№ 26-27

ЦЕНА 5 СЕНТ.

ОРГАН
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

№ 26-27 | «DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу :
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)
ИЮЛЬ АВГУСТ 1927

САККО И ВАНЦЕТТИ НАКАНУНЕ КАЗНИ

ВАНЦЕТТИ **САККО**

(последний снимок)

5 августа. Телеграф принес известие об окончательном решении губернатора штата Массачузетс Фуллера казнить Сакко и Ванцетти. Решение не подлежит аппеляции. Казнь назначена на 10 августа.

Итак, ни очевидная невинность Сакко и Ванцетти, ни громовой протест международного пролетариата, в течении семи лет требовавшего освобождения своих доблестных борцов, ни даже протесты так называемого широкого общественного мнения капиталистического строя, — ничто не спасло Сакко и Ванцетти.

Молох капитала жаждет самой лучшей, самой чистой крови революционного труда. Он нашел ее в Сакко и Ванцетти, которые по своей трагической судьбе, освещенной светом великого идеала — анархизма, стали предметом особых забот, тревог и любви международного труда. И именно потому, что международный пролетариат сконцентрировал свою волю и внимание на судьбе Сакко и Ванцетти, связал их судьбу с судьбою трудового мира, именно поэтому Молох капитала в безумии, остервенело всеми силами своего подлого существа впился в тела Сакко и Ванцетти и ни за что не хочет отпустить их.

Международный пролетариат получил новое доказательство гнусности, отвратительности и палачества классового капиталистического общества. Гневные протесты десятков миллионов трудящихся, в течении семи лет требовавших правды, оказались ничем перед решением тупого негодяя Фуллера. Таково демократически-капиталистическое общество. Международный пролетариат получил новое доказательство необходимости полного разрушения этого общества во имя освобождения свой совести, своей жизни от мертвящих рук бездушного палача-капитала.

Сакко и Ваанцетти умирают героями, как подобает великим сынам великой расы труда. Накануне казни Сакко пишет *к товарищам всего мира*:

«В доме для мертвых мы получили известие, что губернатор Фуллер убьет нас 10-го августа. Это не явилось для нас неожиданностью, так как мы знаем, что класс капиталистов жесток и не имеет никакой жадности к верным солдатам революции. Мы встречаем смерть с

гордостью и умрем, как умеют умирать анархисты за свое дело, за своих братьев и товарищей.

Как я вам уже говорил, только вы могли нас спасти, потому что у нас не было никакого доверия к правительству. Мы всегда знали, что губернатор Фуллер и судья Тэйер убийцы. Наш горячий дружеский привет всем».

Ванцетти пишет: «Губернатор Фуллер убийца. Судья Тэйер и правительство — клятвопреступники. Судья пожимал мне руку, словно брат, и уверял меня в своем добром расположении. Теперь он делает вид, что не знает доказательств нашей невиновности. Он нас оскорбляет и убивает. Мы не виновны в преступлении, в котором нас обвиняют. Наше дело — это война плутократии против свободы народов. Мы умрем за анархию. Да здравствует анархия».

Пусть, если она прольется, невинная кровь Сакко и Ванцетти, ставших отныне легендарными сынами международного труда, зажжет священной ненавистью всех трудящихся и пусть в очистительном огне этой ненависти сгорит весь подлый строй капитала и власти.

Да здравствует Социальная революция пролетариев мира и да живут в памяти их имена Сакко и Ванцетти!

КТО ТАКИЕ САККО И ВАНЦЕТТИ? ?

САККО родился в Италии в 1891 г. 17 лет отроду он вместе со своим старшим братом уехал в Сев. Америку. Там он жил все время в штате Массачузетс, где и работал бесспрерывно в течении 7 лет рабочим на обувной фабрике. Жил он в маленьком домике при фабрике со своей женой и ребенком. Все свободное от работы время он посвящал семье и борьбе за освобождение труда.

ВАНЦЕТТИ : Родился в живописной итальянскйо деревне. В детстве он был отдан отцом в булочную. Через 3—4 года он заболевает и возвращается в родной дом, где застает умирающую мать.

Это было его первым столкновением с жизненной нищетой его среды. Впечатление было так сильно, что он даже думал о самоубийстве, но потом решил эмигрировать в Америку. Там он работал чернорабочим на разных тяжелых работах. В это время он начинает себя сознавать одной из единиц угнетенного трудового человечества и закаляется для борьбы за его лучшее будущее. После тяжелой работы он проводит ночи за чтением, упорно стремясь приобрести больше знаний. Во время империалистической войны 1914-18 гг. Ванцетти ведет антимилитаристскую пропаганду, в результате чего вынужден эмигрировать из С. Америки в Мексику. По окончании войны вновь возвращается в Америку, где полностью отдается социальной борьбе трудящихся за их освобождение. Редактирует анархическую газету, выполняя высокий долг идейного и физического служения труду. Как сам он выразился в своей автобиографии, Ванцетти боролся: «За крышу для каждой рабочей, семьи за хлеб для каждого рта, за воспитание для каждой души, за свет для каждого ума».

ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ

Неожиданно разразившиеся в Вене 15 июля события поистине можно назвать лучем света на мрачном реакционном небосклоне всей нынешней Европы. Обычный буржуазный суд буржуазной Австрии разбирал дело группы националистов, произведшей нападение на социалистов, убившей двух из них, и вынес всем убийцам оправдательный приговор. Это послужило сигналом к революционным выступлениям рабочих масс города Вены. Как бы по условленному паролю, рабочие бросили фабрики и заводы и с криками: «Смерть фашистам!» массами устремились в центр города и сразу же атаковали парламент. Оттесненные от парламента сильными полицейскими отрядами, рабочие бросились к зданию суда, вступили в настоящее сражение с полицией, разбили ее и, овладев помещением суда, подожгли его. Стянутая, было, к центру города полиция, была разбита рабочими и отброшена к окраине города. Все банки, магазины, заводы закрылись. Многие редакции и типографии реакционных газет разгромлены. Рабочие синдикаты об,явили всеобщую забастовку. Железные дороги стали. Число вышедших на улицы Вены революционных рабочих в первый день борьбы достигло 300.000 человек. На мгновение в огромном городе установилось право восставшего революционного труда. Центральное полицейское управление бросило угрозу строжайше расправиться с восставшими, но в момент, когда оно публиковало свои угрозы, бессильно было что-либо сделать для их осуществления и каждую минуту само могло попасть под тяжелую расправу восставших масс.

Сердце каждого рабочего, на какой бы точке земного шара он ни находился, усиленно забилось при известии о героическом восстании венских рабочих. Это гневное восстание заявило на весь мир: «Довольно измывательства над совестью и телом рабочего! В урочный или неурочный час мы придем и призовем к суду всех наших убийц и палачей »

И еще о другом сказало это неожиданное восстание. О том, что в рабочем классе, с виду усыпленном и скованной буржуазной законностью, постоянно живут глубокие революционные инстинкты и силы. Как подпочвенные воды, эти силы и инстинкты не видны поверхностному зрению. Но в момент пробоя они выливаются наружу и охватывают собой всю «рабочую расу». Каждый, даже наиболее смиренный рабочий, становится тогда преисполненным революционной энергии и огня, — и горе тогда вековым угнетателям труда! В такой момент победа трудящихся почти обезпечена. Однако, при одном непременном условии: рабочие должны четко сознавать цель своего восстания; организовать защитную силу революции; действовать быстро и решительно, твердо помятуя, что всякий час промедления может повести к гибели все начатое движение. Быстрота и смелость столь же необходимы для победы революции, сколь необходимо ясное сознание ее целей.

Рабочие Вены вышли на улицы с колоссальной революционной энергией. Даже из сообщений буржуазных агентств видно, что перевес сил сразу же оказался на их стороне. Сумеют ли они использовать этот перевес, чтобы утвердить революционное право труда не на отдельные моменты, а навсегда? Чтобы не только наказать судей и полицейских, а прогнать их совсем, а также капиталистов и создать новый социальный порядок, отве-

чающий их интересам и их понятиям справедливости? Боимся, что тлетворное влияние партийных вождей помешает им в этом. Из газетных сообщений видно, что политическое руководство движением если не попало, то попадет в руки социал-демократической партии, являющейся самой сильной и влиятельной в рабочих массах политической партией. А это ничего хорошего не предвещает. Вместо того, чтобы немедленно и полностью ликвидировать власть буржуазии, чтобы немедленно организовать несколько конных и пеших революционных дивизий для отражения контр-наступления буржуазии, чтобы в два три дня подготовить с,езд рабочих предприятий и рабоче-крестьянских организаций, как того требует цель начавшегося движения, — вместо всего этого социал-демократические вожди прибегнут, вероятно, к тактике переговоров с существующей властью, пойдут с нею на те или иные компромиссы и за спиной рабочих погасят их великий взрыв. Это будет концом героического восстания венских рабочих и началом тяжелых репрессий, которыми власть, победившая с помощью социал-демократов, обрушится на рабочий класс.

Мы всею душою хотели бы, чтобы наши представления об обычной позорной роли социал-демократии в момент рабочих восстаний против буржуазии, на этот раз оказались ошибочными. Мы хотели бы, чтобы австрийская социал-демократия, если уж ей суждено руководить движением венских повстанцев, оказалась бы достойной своего положения, достойной не перед буржуазией, а перед рабочим классом, и решительно пошла бы с восставшими массами на свержение насильственного строя буржуазии во имя свободного строя трудовых классов. Но главное, чего мы желаем и на что обращаем преимущественное внимание революционных венских рабочих — это меньше всего полагаться на посторонних советчиков и вождей, а в самих себе найти организующую, руководящую силу и, помня правила социальной войны, — быстроту, смелость и отчетливое сознание преследуемой цели — своею силой и своею волей идти на завоевание свободы, прав и могущества революционного труда.

16 июля 1927 г.

* * *

В промежуток времени от написания настоящей статьи до выхода номера в свет революционные события в Вене получили известное свое завершение. Самые худшие наши предположения оправдались: австрийская социал-демократия совершила позорное предательство восставших масс. Уже установлено, что революционный взрыв венского пролетариата произошел независимо от какого-либо партийного руководства и направления, в силу революционной природы рабочих, возмутившихся наглым вызовом, брошенным им капиталистическим судом. Социалистические лидеры, заседающие в Ц.К.партии, внезапно оказались в хвосте событий и некоторые из них жестоко были избиты революционной массой за призыв к «умеренности». Ни это, ни самый размах и характер начавшегося движения не смутило центральный комитет австрийской социал-демократической партии. С настойчивостью, достойной лучшего приложения, он начал выпускать воззвание за воззванием, в которых предостерегал против превращения начавшегося движения в социальную революцию, запугивая рабочих «ужасными жертвами», фашизмом, голодом, безработицей, экономической катастрофой и прочими страстями, которыми обычно буржуазия запугивает непокорных бунтующих рабочих. В то же самое время лидеры социал-демократии, за спиною сражавшихся на улицах рабочих, вели переговоры с правительством Зейпеля о ликвидации начавшегося движения. «Пролетариат не желает гражданской войны» — заявил лидер австрийской социал-демократии Отто Бауэр. «Вот почему мы не вооружили рабочих. Пусть же и буржуазия откажется от насильственных действий, дабы предотвратить гражданскую войну». И вот для предотвращения этой войны австрийские социал-демократы поставили свои вооруженные «социалистические» отряды — «Шуцбунд» — охраняющие порядок (буржуазный, конечно) в Вене. Канцлер Зейпель, не пошедший ни на какие мелкие торговые сделки с социал-демократией, отказавшийся даже сместить начальники полиции Шобера, с удовольствием принял предложение социал-демократов о привлечении к охране порядка в Вене социал-демократических отрядов «Шуцбунда».

Движение в Вене еще не совсем ликвидировано. Но оно уже находится накануне полной ликвидации. Социал-демократия сыграла в этом свою обычную позорную роль. Она сделала все возможное для погашения революционного духа у восставших, для ослабления их революционной энергии, действуя агитацией, запугиваниями и наконец силою своих «социалистических» отрядов. Буржуазия с полным правом может сказать, что избавлением своим от неприятной расправы венских рабочих она обязана, главным образом, социал-демократии. В истории пролетарской борьбы подобные случаи не редки. Разве не германская социал-демократия во главе с Носке и Шейдеманом спасла германскую буржуазию? Разве не английская «рабочая» партия во главе с Макдональдом сорвала всеобщую забастовку в Англии в мае 1926 г., забастовку, которая могла привести к свержению капиталистической системы и провал которой привел к разгрому английского рабочего движения?

И еще не раз и не два восстания революционного пролетариата в разных странах будут позорно предаваемы международной социал-демократией. Уж такова ее природа и социальное положение, что не предавать восстания революционного труда она не может. Тысячами нитей социал-демократия в каждой стране связана с существующим буржуазно-капиталистическим порядком.

Ее психология есть прежде всего психология этого порядка. В момент гневных восстаний трудящихся социал-демократия в первую минуту заботится о своем положении в капиталистическом обществе, о своих «солидных» связях в нем и принимает все меры к тому, чтобы погасить движение и этим сохранить или еще более укрепить свои связи и свое положение в этом обществе. Помните об этом, рабы ручного труда! Ищите *своих путей* в борьбе за свое освобождение. Сбросьте с себя гипноз партий, зовущих вас на завоевание власти *для них*. Боритесь не за власть, а за ваше освобождение от всякой власти. А этого освобождения вы достигните, став на путь борьбы за вашу полную социальную независимость, за идею полного политического и экономического самоуправления рабочих классов.

СТРАУСОВА ТАКТИКА ОППОЗИЦИИ

Формулированная нами в прошлом номере Д. Тр. международная социально-политическая ситуация находит подтверждение в ходе событий, как внутри СССР, так и во вне его. Разрыв англо-советских отношений следует повидимому, считать первым нажимом международного капитала на большевиков. Как сообщали телеграммы, женевское совещание пяти «великих» держав и Бельгии в июне сего года постановило обратить внимание Москвы на необходимость разрыва с политикой коминтерна и решило, в случае невыполнения этого пожелания, созвать совещание представителей всех государств, находящихся в дипломатических отношениях с большевиками, для вопроса о дальнейших взаимоотношениях европейских государств к СССР. Более чем вероятно, если совещание это состоится, оно потребует от большевиков перехода их на положение «нормальной власти», ликвидации коминтерна и аналогичных ему политических организаций, полного разрыва с революционным движением рабочих в отдельных странах, или же, в случае упорства большевиков, предложит европейским государствам повести в отношении СССР борьбу экономическую, финансовую, направленную к их свержению.

Перед лицом наступающего на рабочий класс капитала большевикам надлежит дать ответ, с кем пойдут они — с капиталистическими государствами или с угнетаемыми ими рабочими классами. История не дает отсрочки и ответ необходим теперь же, притом ответ четкий и ясный. Пойдут ли большевики на предательство международной пролетарской революции, как того потребует от них международный капитал во главе с английским империализмом, или же будут бороться против наступающего капитала? Если бороться, то как? В качестве власти, насильственно сгоняющей народ на бойню, или в качестве революционной организации, защищающей социальную революцию совместно с теми, кто ее творил в 17-18 гг. и кто затем волею диктатуры был загнан в подполье и большевистскую каторгу?

Вопросы эти не могут не волновать всякого сознательного русского рабочего. Нет никакого сомнения в том, что среди широких масс труда они производят определенное «движение вод», что механически отражается в среде правящей верхушки. Новый приступ оппозиционной горячки, вновь охватившей ВКП, и является отголоском этого «движения вод» в массах. После понесенных большевиками ударов в Китае и в Англии, после все более и более вскрывающегося провала их внутренней и внешней политики оппозиция ожила, осмелела и пошла в наступление на правящее большинство партии. Знаменательным в этом оживлении оппозиции следует считать выступление Троцкого в мае с.г. на заседании исполкома коминтерна, где он по поручению руководящей оппозиционной группы выступил против официальной линии партии.

Выступление это настолько сгустило и напрягло атмосферу в правящих кругах ВКП, что, как сообщает московский корреспондент «Социалистического Вестника», со стороны политбюро было движение немедленно расправиться с Троцким, а затем, конечно, и со всей оппозицией.

Расправы, однако, на этот раз избежали, учтя возможные роковые последствия ее для судеб ВКП. Но состояние крайнего антагонизма внутри ВКП осталось, осталась возможность неожиданных столкновений оппозиции с правящим большинством. По свидетельству самих же большевиков, ВКП впитала в себя столь социально разнородный элемент, что в ней фактически существуют две явно враждебные классовые силы. Причем, городской пролетариат и бедняцкое крестьянство представляют собой не большую величину партии, а меньшую. Большая величина приходится на «хозяйственников», разночинную интеллигенцию, сов. служащих. Совершенно очевидно, что общая политика партии неизбежно должна осуществлять интересы этой большей величины. И в самом деле, пореволюционная нэповская политика большевиков не является капризом нескольких лидеров партии. Она корнями своими держится в той среде, которая дала партии ее преобладающую величину, состоящую из интеллигенции, мещан, совслужащих и т.д.

Несоответствие партийной политики с социально-классовыми интересами рабочих и крестьян неминуемо должно сказаться и повести к проявлению оппозиционного движения в массах, и оно сказалось. Хотя и заглушаемое властью, оппозиционное движение масс, идет по всему фронту экономической и политической жизни рабочих и крестьян. Оно и не может не идти уже потому, что нет того места в жизни трудящихся, где бы политика ВКП самым грубым и циничным образом не нарушила самых элементарных их прав и интересов. Отметим здесь в скобках, что в грядущей социально-политической борьбе для нас, анархистов *эта оппозиция* — все. Осуществление своих надежд и устремлений массы найдут только в анархизме. А анархизм в ней — отправной пункт в новой революционной борьбе за свободу и права трудящихся.

Движение масс неминуемо должно было отразиться в рядах ВКП. Партийная оппозиция и является отголоском этого движения. Но отголоском кривым, замутненным личными и групповыми претензиями, имеющими малое отношение к жизненным требованиям масс. Правда, на нее, как на некое бунтующее начало возлагают те или иные надежды, сочувствуют ей. И это вполне понятно. Среди безбрежного моря политического и экономического бесправия масс, появление оппозиции внутри ВКП невольно заставляет эти массы насторожиться и видеть в ней попытку прорыва стального обруча, надетого на массы. Но надежды эти, пока что, не более, как иллюзия. Требования оппозиции далеко не совпадают с революционными требованиями масс. Больше того, — они имеют крайне малое отношение к основному требованию масс об их экономическом и политическом раскрепощении.

В самом деле, при беглом ознакомлении с «программой» оппозиции, становится ясным ее социальное и политическое убожество. Ничего нового к тому, что большевики проделывали или собираются проделывать, она не добав-

ляет. Оппозиция восстает против роста бюрократизма в партии, против личного режима Сталина, требует внутрипартийной демократии, наконец, усиленной индустриализации страны. Иными словами говоря, она восстат против мелких недостатков советского механизма. Самый же механизм — партийную диктатуру, насильственно управляющую политической и экономической жизнью рабочих классов, оппозиция считает не подлежащей ни устранению, ни исправлению.

Программа, как видим, очень скудная, совсем почти не меняющая тяжелого экономического и политического положения масс под диктатурой компартии. Вернее говоря, у оппозиции совсем нет того, что бы можно было назвать социально-политической программой, которую можно бы было, не играя в слова, противопоставить оффициальной программе ВКП. И в этом слабость оппозиции. Причина этого заключается в том, что оппозиция обнимает собой хотя и немногочисленный, но крайне разнообразный, разношерстный элемент ВКП, по разному ориентирующийся в различных вопросах политики и экономики СССР. Это обстоятельство отнимает у оппозиции возможность выработать определенную экономическую и политическую программу, которую бы можно было предложить в центр внимания трудовых масс. Поэтому то она все время оперирует общими, ничего незначущими местами; поэтому то ее протесты обыкновенно сбиваются на оффициальные речи правящего большинства партии, и поэтому то она не имеет за собой масс, (к чему, собственно, массам отдавать предпочтение оппозиции, раз оппозиция сама не установила своего отличия от правящей клики?). И так дело у оппозиции будет обстоять до тех пор, пока оппозиция не перестанет заниматься мелкими недостатками Сталинского режима и не посмотрит на дело глубже и серьезнее.

Крупнейший недостаток большевистской политики состоит не в том, что в их госаппарате завелось много бюрократизма (всякий госаппарат в самом себе несет бациллы бюрократизма и иначе, как на бюрократических началах держаться не может); не в том, также, недостаток этой политики, что темп индустриализации страны идет медленно, а в том, что десять лет диктатура компартии дали трудящимся России политическое и экономическое бесправие. Лидеры оппозиции это должны видеть и видеть также то, что последующие десять лет диктатуры компартии ничего, кроме того же бесправия не сулят массам. А это означает полное и несомненное банкротство идеи большевистского коммунизма, крушение всей большевистской системы. Продолжать держаться за нее — значит стать откровенным и сознательным палачем прав и свободы трудящихся. Нужны какие-то глубокие радикальные меры, чтобы массы могли выходить из рабства а не погружаться в него. И в первую очередь необходима замена диктатуры партии системой самоуправления трудящихся через посредство их экономических производственных организаций. Вместо этих мер оппозиция копается в тех или иных мелких дефектах совгосударства и стремится их поправить. Поистине страусова тактика.

Правда, последнее время часть оппозиции начала будто бы поговаривать о «рабочей демократии». Однако голый лозунг рабочей демократии сам по себе ничего не говорит. Последнее время его выдвигают многие. Вот, например, эсеры систематически долбят о трудовой демократии, причем под последней они разумеют некий строй, где преобладающее значение во власти, благодаря численности, будут иметь трудовые классы, но где в то же время право на экономическую и политическую власть будет иметь и буржуазия. Мы же,— анархисты,— полагаем, что принцип рабочей демократии означает полную социальную независимость и самоуправление рабочих классов при полной ликвидации капиталистической и всякой иной эксплуататорской системы.

Оппозиция должна четко сказать, что она разумеет под рабочей демократией. Ведь и сталинская группа, зажавшая в кулак всю партию и всех трудящихся, цикает что-то такое о трудовой демократии. И вообще не верхом ли издевательства над совестью рабочего будет говорить о рабочей демократии в условиях диктатуры, растоптавшей все права рабочего класса, право свободной рабочей печати и право свободных рабочих организаций — экономических и политических?

Главное же, что необходимо оппозиции, — это точно выявить свое лицо, выявить определенную социально-политическую программу, указать свою политическую линию. Куда она идет — вправо или влево от оффициальной линии партии? Говоря о рабочей демократии, сознает ли она гибельность партийной диктатуры над трудящимися? Какими иными формами общежития она заменила бы современную диктатуру? Каковым в новом строе она представляет себе положение рабочих и крестьян? На все эти вопросы оппозиция должна дать определенный ответ раз, она в борьбе с политикой Ц.К. партии взывает к поддержке масс.

Однако, ясно, что в настоящее время, когда оппозиция обнимает разнообразный — и правый и левый коммунистический элемент — она не может выявить столь подробную и однородную программу. Ей необходимо дифференцироваться, наметить ясную линию поведения, разработать ту систему социального строительства, которой она намеревается заменить систему сталинско-бухаринского держимордия.

Если такой программы у оппозиции не окажется, а мы считаем, что вне анархо-коммунизма социальной *творческой* программы быть не может, — то все ее споры с Ц.К. партии окажутся демагогией простых завистников власти. Недалекое будущее, когда будет разрешаться спор между оппозицией и правящим большинством, покажет, является ли оппозиция революционным течением, заботящимся о судьбах рабочего класса, или это только течение, стремящееся к перестановке ролей в угнетательском аппарате компартии.

Пожелаем, однако, чтобы десятилетние преступления партийного абсолютизма, за которые перед рабочим классом ответственна *вся оппозиция* в такой же степени как и сталинско-бухаринская клика, были искуплены оппозицией путем революционной борьбы за идею полной свободы, независимости и самоуправления рабочих классов.

П. АРШИНОВ.

НАПОЛЕОН И БОЛЬШЕВИКИ

(Параллели)

Уже поверхностное занакомство с ходом и исходом Французской революции поражает чрезвычайным сходством с историей наших дней.

Личность Бонапарта в частности, которая в наши дни особенно привлекает внимание враждебных лагерей, — одного, жаждущего русского Наполеона, другого, борящегося с идеей бонапартизма, будто реющей над нашей действительностью, — эта самая личность и психология Наполеона встает в представлении, когда следишь за деятельностьюю большинства ЦК.ВКП.

Наполеон, который в первый период своей грандиозной авантюристической карьеры проявляет известное историческое понимание вещей, теряет это понимание, эту способность разбираться в окружающем, когда становится императором и хочет закрепить и легализовать свою династию.

Известно, что когда внутри Франции уже не было следов революционных вольностей, когда все оставшиеся верными деятельности конвента были так или иначе придушены, когда выражаясь по современному, во Франции царила «диктатура Наполеона», Наполеон сам в своей *внешней политике* еще оставался «революционером». Войны первых лет, приведшие к завоеванию Западной Европы, велись во имя борьбы с феодализмом, за свободу и собственность, что для той эпохи по новаторству было тождественно нашим крайним революционным лозунгам. И старая феодальная Европа трепетала перед Наполеоном, носителем этих революционных идей и отступала под напором далеко не превосходных армий его. Да и сам Наполеон не раз говорил о себе, как о сыне революции, могущем всегда воскресить времена конвента. Все это заставляло государей старой Европы смотреть на Наполеона не как на равного себе императора, а как на революционера на престоле. Здесь то и был главный источник их страха перед ним.

Но время идет и императорство делает свое. Психологическая связь Наполеона с революцией рушится все более и мечты его сосредотачиваются на легализации династии Бонапартов. Его начинает больше всего оскорблять то, что его европейские коллеги-монархи не хотят за ним признать равного им императора. И мы увидим, что впоследствии он жертвует победой над Россией и Александром, лишь бы показать Европе свой полный отрыв от революции и свое истинное императорское достоинство.

Теперь уже с несомненностью доказано, что вначале войны 1812 года во всей России преобладало пораженческое настроение, которое об,яснялось тем, что угнетенное русское крестьянство и передовая тогдашняя интеллигенция ждали в лице Наполеона революционера, который уничтожит в России крепостное право и насадит принципы французской революции. И действительно Наполеон освободил одно время в районе своей оккупации крестьян от крепостной зависимости.

И когда Наполеон уже был в Москве, окружавшие его бывшие революционные генералы доказывали ему, что единственная возможность легкой победы над Россией, это поднять в ней революцию. Наполеон это тоже понимал и одно время в Кремле даже сидели переводчики за переводом истории «Пугачевского бунта», по которой Наполеон хотел ознакомиться с духом русского бунтарства.

Но Наполеон отлично понимал, что, подняв революцибю в России, он еще больше укрепит за собой связь с революцией и еще больше удалится от престижа «настоящего императора», который становится все милее его сознанию. И вояка Наполеон сознательно не использовывает самого верного и легкого средства, которое само просится в руки. Он возвращает русским дворянам прежние права и тем очевидно кладет первую стезю к перемене народной психологии — от пораженчества к яркому и героическому оборончеству. Наполеона революционера народ принял, Наполеона императора народ изгоняет.

Все это Наполеон отлично понимает и по возвращении из России он в Данциге произносит речь, где говорит, что мог завоевать всю Россию и совершенно уничтожить династию Романовых, но не хотел пользоваться средствами, *недостойными* императора. Европейские монархи посмеиваются и как тупы они ни были начинают угадывать Ахиллесову пяту этого императора из низов и стараются направлять на нее свои стрелы.

Кому эта далекая историческая картина не напоминает наших дней? — Красная армия побеждает превосходные силы неприятеля, благодаря опоре на доверяющий ей революционный тыл. Генуя, встрепенувшая Еврепу — пролетарскую, ожидавшей от большевиков революционной поступи, буржуазную, с опаской глядевщую на хорошо сшитые фраки на большевистских плечах, не доверяя, что они действительно навсегда сменили рабочие блузы. Россия в блокаде, перед которой буржуазная Европа трепещет, боясь занесения к себе революционной заразы, и Россия, признанная де-юре и де-факто, но трепещущая буржуазной Европы. Чичерин, приехавший летом 1925 г. в Варшаву, вскоре после героической смерти юного коммуниста Ботвина, произносящий патетическую речь о близости культур — польской и русской и ни словом не опровергающий польскую печать, говорящую о нем, что это не какой-нибудь проходимец-большевик, а потомок именитого польского рода. Кто знает, может и Чичерину, как и Наполеону приятнее чувствовать себя польским магнатом, чем русским большевиком?

И так, постепенно присмиревшая и утирающаяся от буржуазных плевков большевистская власть, все терпящая лишь бы доказать свое настоящее государственное достоинство — докатывается до наших дней. Уже, казалось, принят последний плевок — примирились с Швейцарией, лишь бы только получить возможность

послать своих делегатов на международную экономическую конференцию, чтоб высказать жажду «мирного сосуществования двух систем». Но нет, обнаглевшая буржуазия дает последний щелчек — последнее испытание в верности клятв, что Кремль ничего не имеет общего с коминтерном. И подобно тому, как Наполеон перестает понимать, что его сила *в связи* с революцией, советская власть периода сталиниады спешит отряхнуть от своих ног *связь с Октябрем*. Роль революционных генералов при императоре Наполеоне играет Троцкий и вся левая оппозиция, которая, будучи устранена от дел, видит всю гибель отрыва от революции, не только для будущности социализма, не даже для внешней безопасности страны. В этом отношении оппозиция могла бы сыграть важную революционизирующую роль, хотя теперь, конечно, трудно угадать, насколько ей удастся разрушить бог весть о чем взлелеянные мечты диктаторствующего секретаря некогда революционной ВКП.

Реально поставленная перед лицом английского империализма — как поведет себя во внешней политике нынешнего состава большевистская власть? Есть признаки, что она стремится снискать милости всякими поблажками соседей, не уссориться. Впрочем, есть исторические документы, доказывающие, что и в франко-русском конфликте 1812 г. инициатива уже не принадлежала отяжелевшему от императорского титула Наполеону, а Александру.

Процесс перерождения психики Наполеона, связанного хотя бы внешне и отчасти с принципами французской революции, привел к его окончательному падению, а вместе с ним в результате целого рода обстоятельст — к установлению политической картины Европы эпохи Священного Союза.

Этого исторического урока не следовало бы забывать.

С тех пор, как большевики выступили на мировую дипломатическую арену, они ни разу не позаботились обратиться к трудящимся с раз'яснением и за их мнением о ходе дипломатических переговоров. Первые переговоры с английской буржуазией в 1921 году они начали без ведома русского пролетариата, и вели их все время, доказывая на каждом шагу свою оторванность от линии октября, вели тайно и безконтрольно вплоть до последнего разрыва. И лишь теперь, когда эта же самая английская буржуазия прижала их, они стали распинаться перед русским пролетариатом, крича о необходимости защищать революцию.

Да, русскому пролетариату действительно пора вмешаться в дипломатические дела, но не для того, чтобы помогать этим мнимым своим представителям продавать русскую и мировую революцию оптом и в розницу, на экономических конференциях и в кабинетах дипломатов, а для того, чтобы взять в свои руки внешнюю защиту страны, и превратить мировую политику в контакт с мировым пролетариатом, а не в соглашательство с мировой буржуазией. Но для того чтобы это выполнить, русским трудящимся нужно сделать огромный сдвиг во всей социально политической жизни СССР, сдвиг именуемый пролетарской революцией. Пусть исторический пример реакции понаполеоновского периода, напомнит о грядущей реакции наших дней, и пусть он поднимет сознание и силы трудящихся. Момент чрезвычайно грозный.

И. МЕТТ.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА:

БУДЬТЕ НА СТРАЖЕ!

Последнее время разные лица пытаются очернить политическую и организационную деятельность Группы Русских Анархистов Заграницей, распуская про всю Группу в целом и про отдельных ее членов умышленно-ложные сведения, направленные к подрыву политического и организационного достоинства Группы. Особенно это наблюдается в городах Сев. Америки, где больше чем в другом месте сказалось идейное влияние Заграничной Организации Русских Анархистов. Из Детройта, Нью-Иорка, Монтреаля (Канада), Лос-Анжелеса и других городов наши товарищи, стоящие на платформе Дела Труда, сообщают, что их осаждают письмами и наговорами на нашу организацию, присылают листовки, бросающие тень на нее. Из Лос-Анжелеса пишут в Детройт, что благодаря интригам, ведущимся против Группы Русских Анар хистов Заграницей, создалась обстановка, при которой стало затруднительно само распространение Дела Труда. Товарищи возмущаются этим и требуют, чтобы наша организация разоблачила всю низость ведущейся против Дела Труда кампании. Некоторые товарищи — (т. А. Черняков из Риги, т. Бел из Нью-Иорка) — прислали для напечатания в Д. Тр. статьи, в которых вскрывают истинную подоплеку ведущейся против нас кампании и авторов этой кампании.

Групппа Русских Анархистов Заграницей сочла за лучшее для нашего движения не браться за «разоблачения» и не печатать присланных статей т.т. Чернякова и Бела. И вот почему. Дело Труда является единственным органом для русского анархического движения во всех странах. В течении двух с лишним лет Д. Тр. с неизменной твердостью выполняет свою миссию, — обслуживает организационные, политические и теоретические запросы нашего движения. И было бы губительным для движения отводить в журнале место личным и фракционным дрязгам. С самого начала возникновения Дела Труда мы решительно высказались за недопущение этих дрязг на страницах анархической прессы. Мы поэтому не желаем даже дать повода к тому, чтобы они имели место на

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ВОЙНА

Если есть одно звено, которое соединяет собой все социалистические доктрины, начиная еще с утопических социалистов, то это есть их общее резко отрицательное отношение к капиталистической войне.И это очень понятно. Ведь идея социализма, идея братского сожительства народов, исключает самую мысль о кровопролитии. Но кроме того, до войны даже самые правые социалисты реформисты, ставившие «реальные» достижения рабочего класса при капиталистическом строе выше будущего царства социализма, признавались, что война никаких «реальных» благ рабочим не принесет. Таким образом тогда в резко отрицательном отношении к войне сходились все социалисты от самых правых до анархистов. Правда, предложения анархистов об об'явлении всеобщей забастовки на случай об'явления войны на социалистических конгрессах провалились, но об'яснялось это тем, что всеобщая забастовка признавалась государственными социалистами за невыполнимое средство. Надо только прочитать социалистические газеты-хотя бы за время от сараевского убийства вплоть до дня об'явления войны, когда война уже как грозная туча висела над Европой, чтобы удивляться тому единодушию, с которым социалистическая печать повторяла: рабочие воевать не пойдут. Даже *накануне* об'явления войны Германией России вся немецкая социал-демократическая печать, и столичная, и провинциальная резко выэтупала против войны. А на следующий день в рейхстаге вся социалистическая фракция, состоявшая из более 100 человек (за исключением только двух или трех) голосовала за военные кредиты правительству, и восхищенный Вильгельм воскликнул:«теперь нет больше партий в Германии, а есть только немцы».

Это действительно был тот день, когда социал-демократы продались капиталу, когда они порвали с социалистическим идеалом и перешли на службу к капиталистическому государству, которому с тех пор и служат не за страх а за совесть. За время войны не было ни одной гнусности, которую бы социалисты не сделали, чтобы продлить кровопролитие. Они поддерживали вспыхнувший вначале войны в массах национальный шовинизм, уговаривали рабочих отдавать последние сбережения на военные займы, а женам и детям довольствоваться только капустой и репой, и терпеть до «победного конца». Вожди социал-демократии пользовались почетом и уважением капиталистических правительств, часто ездили в главный военный штаб, где встречались с большой торжественностью. Пока на фронте шла рубка пролетарского пушечного мяса, вожди социал-демократии в насиженном тылу коротали время в приятном обществе блестящих офицеров генштабов.

Когда же в воздухе запахло революцией, когда пришел грозный 18 год, социал-демократические вожди,сначала попытавшись сломать предательством рабочее возмущение войной, были вынуждены переменить свою личину, дабы совершенно не быть выброшенными из рабочей среды. И первые годы после войны социал-демократы становятся ярыми пацифистами. Они прокламируют лозунги: «далой войну навсегда» и усердно его пропаганди-

---

страницах нашего журнала. Дело Труда выполняет большую работу в развитии анархического движения. В этом его назначение.

Это во первых.

А во вторых, кто те лица, которые позволяют себе чернить деятельность организации Дела Труда? Как мы сказали уже, Дело Труда существует свыше двух лет, в течение которых проявило себя творческой работой в области организации, политики и тактики. Противники Дела Труда также могли бы за этот период выполнить положительную, нужную для анархического движения работу, наметить ту или иную положительную программу. Проявили ли они себя в этой области? Нет. До появления Д. Тр. они проживали в эмиграции в качестве обыкновенных обывателей, далеких от тревог за судьбы анархического движения. Лишь когда организация Дело Труда установила связи между разрозненными группами анархистов и отдельными анархистами, когда онэ возродила *общий масштаб движения*, поставила вопрос об единой организационной платформе, о создании анархо-коммунистической партии, тогда появились «недовольные» начавшимся движением и стали злословить, чернить и клеветать на него. Это обычное явление во всех политических движениях.

Спрашивается, для чего все это делается? Имеют ли наши противники какую-либо определенную цель и практическое задание, которыми бы они могли заменить деятельность Группы Русских Анархистов Заграницей? Если да, то в чем они выразились? Для нас, однако, ясно, что никакой цели, никакого положительного задания наши «друго-враги» не имеют. Они не дали даже критики выдвинутых нами организационных и тактических принципов. Могучая творческая деятельность Дела Труда невольно оттенила их пустое место в анархизме и за свое убожество, за свою никчемность они хотели бы отомстить тем, кто стоит на базе здоровой реальной анархической работы. Они живут лишь отрицательными тенденциями, вытекающими у них из того разгильдяйства, из того валяй-анархизма, которым наше движение об,явило непримиримую войну.

Раз это так, то все выступления таких лиц против Дела Труда не заслуживают ни малейшего внимания. И мы уверены, что весь здоровый элемент рабочего революционного анархизма по достоинству оценит недостойную кампанию этих лиц против Дела Труда.

«Мы предвидим, — говорили мы в Предисловии к Организационной Платформе — что очень многие представители так называемого индивидуализма и хаотического

руют. Казалось, что миллионы безполезно загубленных молодых жизней во время войны, лежащие на совести социал-демократов, подействовали на них, казалось, что сравнение положения рабочего класса в побежденной Германии и в победившей Франции, где рабочих одинаково душат, убедило наконец неисправимых реформистов, что «реальной» выгоды война рабочим не принесла и никогда не принесет. Все это казалось, так как забывали, что социал-демократия является слугой буржуазии, уже с 1914 г. верой и правдой исполняющим «социальный заказ» буржуазных провительств. Лишнее доказательство мы имеем сейчас.

Снова грозные тучи нависли над Европой, снова пахнет в воздухе порохом и покойничками*). Пора капиталистам начать серьезно готовиться к войне, и в победоносной Франции начинают помышлять о законе нациаональной обороны. Как же представляется эта новая война компетентным военным специалистам? Вот что говорит о ней в одном интервью маршал Фош: «Эта война будет мировой. В ней примут участие все страны и в числе комбатантов (сражающихся) окажутся не только мужчины, но и женщины и дети всех наций».

Сообразно таким указаниям высших военных специалистов, дается «социальный заказ» социал-демократии, и вот лидер французских социалистов Поль Бонкур и вырабатывает соответствующий закон. В этом законе о национальной защите, внесенном в парламент социалистами есть все, чтобы удовлетворить маршала Фоша: *мобилизация на время войны женщин и детей* и даже *роспуск на время войны рабочих синдикатов*, до чего сам Фош в своем проекте может быть еще и не дошел бы.

*) *Политические разногласия между отдельными странами не удается разрешать в Лиге Наций, этой «мыши», которую родила «гора» пацифизма послевоенной Европы.*

На заседании нацианального совета французской социалистической партии от 27 июня Поль Бонкур так обосновывал свой закон: Мобилизация жен рабочих, говорит он — но разве жены рабочих не будут все равно голодом загнаны на фабрики и заводы. А рабочие синдикаты во время войны только вредны. Война является средствомо багащения капиталистов, и нужно предоставить в это время свободу рабочим, дабы и они могли урвать что-нибудь из этого богатства, нужно им дать полную свободу действия.

Нужно отдать справедливость. Далеко шагнули социал-демократы со времени 14 года. Тогда еще *накануне* войны вожди социал-демократии боялись признаться рабочему классу в готовящейся измене. Теперь же *загодя* социал-демократы хлоднокровно обещают: рабочих пошлем как пушечное мясо на фронты, а жен и детей их голодом загоним на фабрики и заводы. Рабочие же организации разрушим в самом начале, чтобы сломать сопротивление масс.

Мы не знаем, сколько платят социал-демократическим вождям за заманивания и уговаривания рабочих итти на войну, за предоставление снарядам и пулям пролетарской мишени. Мы не знаем, поскольку расценивается капиталистическими правительствами свежая кровь рабочих, их изуродованные трупы, сколько стоит тяжелый пот труда и голод и лишения пролетарских жен и детей. Но мы знаем, по опыту прежней войны, что вожди социал-демократии будут время проводить в надежном тылу, в обществе блестящих генштабистов. А солиднаы

анархизма с пеной у рта набросятся на нас и обвинят в нарушении анархических принципов».

Ведомая теперь против Дела Труда кампания есть ничто иное, как проявление дезорганизаторства и хаоса, гнездящихся в отрицательных элементах анархизма. Нет сомнения в том, что в дальнейшем отрицательный элемент усилит свою дезорганизаторскую деятельность, постараясь придать ей принципиальные основания. Мы поэтому считаем нужным предупредить всех работников организованного анархического движения и призвать их к бдительности.

Помните, товарищи, что наша организация представляет собой небольшой инициативный отряд в великом построительном деле анархизма. Мы подали лишь клич тревоги за судьбы анархического движения и призыв к борьбе за анархическую организованность. Творить эту организованность будете вы — ее сторонники и носители.

Будьте бдительны. Не давайте в своей среде места разным наветам, направленным к срыву великого дела. Революционный держите путь. Наша цель — создание анархической организованности, и кто в этом деле против нас, тот против жизни анархизма.

Группа Русских Анархистов Заграницей.

5 июля 1927 г.

АНАРХИСТЫ И ПАРТИЯ

(К вопросу об организации наших сил).

«Организационная платформа», выработанная Группой Русских Анархистов Заграницей, все еще продолжает быть предметом обсуждений и споров многих анархистов и анархических групп. И не мало времени, вероятно, уйдет, пока анархисты прийдут к заключению, что анархизм, из состояния беспорядочности и хаотичности, должен вылиться в определенное и однородное движение.

Нас, анархистов, разделяет, главным образом организационный вопрос. Хотя мы принципиально не против организации, но мы издавна почему-то привыкли смотреть на организацию, как на зло, как на опасность... Но если внимательно ознакомиться с нашей анархической литературой, то не трудно будет убедиться, что как теоретики анархизма, так и рядовые, но активные работ-

сумма серебряников, в виде ли министерских кресел и наверное звонкой монеты, почет и уважение капиталистической власти их наверное ждет. Но революционные рабочие и крестьяне могут их предупредить уже сейчас, что нет ничего абсолютно надежного на свете.

Правда, социал-демократии удается еще вести за собой огромные массы трудящихся, верящих в их «реальные» достижения для рабочих. Но последние венские события показали особенно ясно, что пролетариат, как революционный класс, даже находящийся в плену у социал-демократии, во время революционных событий быстро опрокидывает социал-демократическое сопротивление революции и действует совершенно самостоятельно под руководством крайне-левых элементов. А военная эпоха несомненно эпоха революционная. Волна революции которая тогда вспыхнет, в первую очередь смоет ту грязную накипь, которая накопилась на теле рабочего движения в лице продажных лакеев буржуазии, исполняющих ее «социальные заказы», — социал-демократов.

Я. ЛИНСКИЙ.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ И МИРОВЫЕ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРУДА

Капиталистическая консервативная Англия зарывается. С.С.С.Р. стал мишенью для гнусных контр-революционных замыслов консервативной Англии и ее(в денежном отношении) вассалов —поменьше и поглупее из европейских государств. Это явление вводит дело революционных тружеников С.С.С.Р. в полосу новой жизни и новых битв, которые особенно привлекают к себе наше , анархо-коммунистов внимание. И это потому, что мы понимаем гнусное намерение Англии по отношению к мировому движению трудящихся и к тем остаткам русской революции, которые еще не распроданы правящей партией и которыми рабочие и крестьяне СССР живут.

Капиталистическая консервативная Англия, живя за счет завоеваннных колоний, не могла вообще быть спокойной за судьбу своего политического и экономического завоевательного положения в мире. Она подозревала и подозревает всех своих соседей своими врагами, она всех их считала всегда и считает теперь завистниками ее жульнических на дипломатическом поприще успехов и на Востоке, и на Юге, и на Севере. Поэтому она усердно старалась всегда изучать правильно цели и характер своих завистников. И когда ей это удавалось, она умело и во время находила пути и средства обезоружить их. И так, при помощи открытого обмана перед своими завистниками-соседями и утонченно-скрытого перед своими рабочими и крестьянами, перед интеллигенцией, питающейся соками жизни последних, консервативная Англия живет сотни лет госпожей политического и эконо-

---

ники анархического движения никогда не выступали против организации, а, наоборот, всегда способствовали тому, чтобы об,единить и организовать разбросанные анархические силы, прекрасно понимая, что главная причина нашего бессилия коренится в отсутствии организации и организованного движения.

Прежде всего, кто мы? Мы анархисты — последователи учения, отрицающего все принудительные формы государственной власти, всякие проявления централизма и диктатуры и признающего, как грядущиий идеал общественной жизни людей, свободный союз свободных людей. Иными словами: мы — сторонники свободного общежития людей, т.е. такого общежития, где не будет власти и подвластных.

Что же мы делаем для осуществления нашего идеала? Мы ведем устную и печатную пропаганду и распространяем анархическую литературу, главным образом среди рабочих, как людей наиболее обездоленных и униженных. Но помимо этого, и часто даже помимо нашей воли, анархические идеи проникают также и в литературу и искусство, в науку и философию, и т. д., тем самым облегчая нам работу... В то же время мы знаем, что в каждой отдельной стране есть много анархистов; последние разбросаны по всем уголкам и сторонам старого и нового света. Анархисты работают везде: в рабочих организациях, в различных союзах саморазвития, в так наз. кассах взаимопомощи, в рабочих кооперативах и т. д. Вообще, число анархистов, работающих на многих поприщах современной общественной и культурной жизни людей, довольно значительно. Тем не менее, результаты нашей работы очень скудные, непродуктивные... Причин тому много, но главные из них, по моему мнению, заключаются в том, что мы разбросаны и работаем «в одиночку» без определенного плана; что мы не выступаем в нужное время под нашим анархическим знаменем с определенным и ясным анархическим словом по многим вопросам современной жизни; что мы, наконец, не об,единены, не организованы в анархическую организацию или анархическую партию.

Чувствую, что слово «партия» устрашит некоторых, а, может быть, и многих товарищей, но бояться, понятно, нечего, ибо никто из нас, анархистов, не думает создавать партии с центром, партийным управлением и другими милыми «аттрибутами» партийной машины, но организоваться мы должны ! Опыт нашей многолетней работы нам доказал, что один в поле не воин; что героизмом и самопожертвованием отдельных борцов и мучеников не построишь еще свободного общества; что для достиже-

мического положения в Европе, в Азии, на далеких океанических пространствах. Ей не было равных государств, которые могли бы подорвать ее владычество среди населения ею порабощенных колоний. Правда, это потому, что завистники , ее соседи, лучших целей, чем она, никогда не преследовали. Было время, когда монархическая Германия, которая на протяжении 30-40 лет усиленно готовилась к установлению своей пангерманской гегемонии над миром, попыталась подорвать в этой области престиж Англии; но поскольку монархическая Германия была глупа в своей восточной политике, она ничего не сделала в своем стремлении подорвать английскую мировую гегемонию, кроме того, что ускорила для нас приятную смерть свою. Этот провал монархической Германии упрочил еще более политическое и мировое господство Англии. Она продолжает царствовать в капиталистическом мире первой, в своем роде, наилучшей представительницей империализма. .Пошатнуть Англию в этой области в настоящее время не может ни одно государство в мире.

Лишь революционные силы трудящихся, идущие под знаменем великой русской революции,могут подорвать мощь английского капитализма и положить начало новому свободному трудовому строю. И английский капитализм это сознает и стремится разбить окончательно начатое великое дело русской революции. Делает он это путем давления на советскую власть, явно предлагая ей стать на его сторону.

Пойдут ли на это большевики или нет, это вопрос особый, но кроме большевиков в СССР остаются революционные труженики, которые будут бороться с английским капиталистическим наступлением.

Для такого великого дела, как подрыв мировой мощи английского капитала, полного разоблачения пошлости его либерализма, разрушения власти первого и последнего, в целях оказания помощи как внутри самой Англии ее труженикам, так и труженикам тех многочисленных колоний, которые находятся под пятой ее власти, — стать большими самоуправляющимися союзами в жизни человеческого общества — для такого, повторяю, великого дела в жизни СССР, в жизни населяющих его революционных тружеников недостает целого ряда условий. Укажем на главнейшие из этих условий, которых в СССР нет и без которых трудящиеся Союза задыхаются, становятся бессильными не только в своих попытках стать центром борьбы трудящихся мира с их врагами, капиталом, буржуазией и властью, — но и в том, чтобы вдохнуть в свои ряды дух солидарности, без которого нельзя учесть того, на что способен, что в силах вынести в круговороте тех бурь, которые разыгривается вокруг дела революционных тружеников СССР.

Одним из этих главных в жизни трудящихся СССР. условий является отсутствие свободы. В СССР нет свободы слова, свободы собраний, свободы организации революционных тружеников и их печати.. Отсутствие этой свободы, при которой рождаются и выращиваются творческие созидательные силы трудящихся для их новых побед по пути к их идеалам, лишает их подлиной веры в то, что им придется в завтрашней, силой им навязанной войне, защищать, за что им придется бороться и умирать (если враг окажется сильнее их) или побеждать в своей борьбе и радоваться, если то, что они будут защищать, будет заслуживать их внимания и возродит собою то, чего они добились в первые дни и ме-

---

ния известной цели требуется работа многих, работа целых групп людей, – и мы начали поэтому, организовывать ся в группы, а эти последние об,единились между собой в федерацию групп. И в настоящее время групповое движение есть, действительно, самая популярная, хотя и не совершенная форма современного анархического движения.

Но сделаем еще один шаг вперед! Об,единим свои разбросанные силы в одну чисто анархическую организацию и наметим определенную и однородную программу работы. Оставим на время наши разногласия и раз навсегда запомним, что мы — прежде и раньше всего анархисты, спорные пункты, имеют для нас только второстепенное значение. Анархическая организация же нам жизненно необходима !

Являясь членами анархической организации и ведя организационную работу, мы не должны бояться некоторых указаний или постановлений анархической организации. Наоборот, желая воспитать и развить себя в духе анархического идеала, мы должны всегда приветствовать и поддерживать всякие начинания организации, не идущие вразрез с принципами анархизма.

Анархисты! Об,единим свои силы и создадим Анархическую Партию !

Л. ЛИПОТКИН

КРИТИКА СИНТЕЗА

В предыдущей статье (Дело Труда № 23-24) мы отметили, что идея всеобщей анархической организации тесно связана с определенным методом ее созданию. Этот метод мы определили, как *отбор* и организация в партию активных работников анархизма на почве однородных идеологических, тактических и политических положений коммунистического анархизма. Само собой разумеется, что чем больше анархического нутра, анархической тактики и анархической политики будет в программе об'единяющей анархистов в партию, тем с большим основанием она станет программой всеобщего анархического об'единения, — анархо-коммунистической партии. Но путь к этому об'единению и его программе лежит через *отбор* активных работников из нынешней хаотической анархической среды.

Иначе представляют себе дело организации анархи-

сяцы революции и что партия большевиков и ее власть у них похитила и роздала нэпманам и иностранным концессионерам.

Вторым, не менее важным из отсутствующих в СССР условий, без которых невозможна защита революции и без которых жизнь тружеников его не может развиваться и двигаться вперед к более совершенным конечным свои целям,является социальное право трудящихся. В СССР отсутствует мыслимое нами, анархо-коммунистами, право ответственности человека, право ,которое бы обезпечивало свободу и социальную справедливость-всегда, везде и в равной мере за каждой трудовой личностью, независимо от того, кто она, противник или сторонник господствующей, управляющей СССР партии.

Эти условия для жизни трудящихся СССР, приближавшейся было уже к изжитию на своем теле старых политико-буржуазных форм и теперь, словно по воле какого-то рока, по злой воле руководящей партии ВКП возвращающейся к ним, — должны быть восстановлены немедленно, как того требует опасное положение дела революционных тружеников СССР. Востановление этих важнейших условий об,единит всех трудящихся, все революционные силы как внутри самого СССР, так и во всех других странах. И тогда капиталистическая консервативная Англия со всеми замыслами об, единить своих коллег — империалистов мира и в удобный момент броситься с ними на трудящихся СССР, а потом и на революционное движение трудящихся в других странах, будет разбита революционными усилиями самих английских тружеников.

И тогда СССР станет действительным местом выращивания среди трудящихся мира силы для социальной революции, для ее широкого плодотворного пути.

Н. МАХНО.

ТРУДОВАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Как нам уже приходилось указывать в предыдущих статьях, — трудовая демократия может быть реализована лишь при осуществлении социальной революции. Поэтому мы считаем все вопросы, связанные с идеей трудовой демократии,т.е. вопросы самоуправления трудящихся на классовых началах — вопросами второго дня соц. революции. Рассматривая вопрос в этой плоскости, т.е. в плоскости практических мероприятий победившего пролетариата для реализации трудовой демократии, мы должны затронуть такие вопросы, как: политические партии, диктатура пролетариата, диктатура трудящихся (выставленная немецкими левыми коммунистами«не партийная-мол, а классовая» и что самое главное в применении к конкретным условиям русской действительности, вопрос соотношений двух классов трудящихся городского промышленного пролетариата и крестьянства.

ческого движения сторонники *смешанного* анархизма. По их мнению, все неурядицы в анархическом движении происходят от некоторых незначительных теоретических разногласий, имеющихся среди различных течений в анархизме. Следует преодолеть эти разногласия и будет возможно соединение в одно целое спорящих течений, будет возможно создание общей анархической организации.

Правда, сторонники этих «синтетических» воззрений никогда определенно не говорили о том, *что* они разумеют под «общей анархической организацией», на каких принципах она будет построена, каковы ее цели и задания. Поэтому мы здесь совсем не будем касаться этой неопределенной синтетической организации, а остановимся на самой идее «синтеза».

Сущность этой идеи такова. Анархизм разделен на три основные течения: анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм. Хотя каждое из этих течений имеет нечто свое, ему одному присущее, тем не менее все три течения столь родственны и близки друг другу, что лишь благодаря искусственному подразделению они существуют раздельно. Необходимо их слить воедино и тогда образуется единое мощное анархическое движение.

Для такого слияния необходим тероетический и философский синтез учений, на которых базируется каждое из указанных течений. И после того, как путем теоретического синтеза будет достигнуто слияние течений, возможно будет обсуждать и решать вопрос о форме и структуре анархической организации, которая представит анархистов не одного какого-либо течения, а анархистов всех трех течений.

Таков смысл идеи синтеза. Несостоятельность этой идеи бьет в глаза. Во первых, прежде чем говорить о теоретическом синтезе коммунизма, синдикализма и индивидуализма, необходимо анализировать теории этих течений, знать их. Теоретический анализ коммунизма, синдикализма и индивидуализма сразу же показывает на нелепость синтетической постановки вопроса в данном случае. В самом деле, говорить о теоретическом синтезе коммунизма и синдикализма *значит* до известной степени теоретически *противопоставлять* их один другому. Но разве теоретически, а также практически синдикализм может быть противоставлен коммунизму? Мы, анархисты, всегда синдикализм понимали, как одну из форм революционного движения пролетариата, как один из методов борьбы рабочего класса за свое освобождение. Коммунизм же мы всегда понимали, как цель револю

Можно ли смотреть на трудовую демократию как на определенный период, с определенными законами, с определенным устройством, с ограниченными рамками и т.д. Иначе говоря, является ли трудовая демократия переходным периодом, наступающим в день революции между современным капиталистическим обществом и свободным коммунистическим обществом.? Безусловно нет. Трудовая демократия не есть переходный период, она не имеет точных границ или признаков, отделяющих ее от анархо-коммунистического общества. Трудовая демократия, т.е. самоуправление трудящихся на классовых началах есть процесс, исходным пунктом которого является безгосударственно-комунистическое общество. Она есть основное условие, обуславливающее развитие революционой общественности. Трудно себе представить осуществление безгосударственного коммунизма сразу же на второй день социальной революции. Устройство же свободного общества на основах трудовой демократии застраховывает пореволюционную общественность от государственного бюрократизма (что приводит к созданию новых привиллегированных каст или классов), а также от эволюции в направлении меньшевистского и шляпниковско-медведевского (как мы это увидим ниже) трудового парламентаризма, и приводит исключительно к анархо-коммунизму. Хотя резких разграничительных черт, отделяющих трудовую демократию от анархо-коммунистического общества нет, все-таки нельзя отожествлять этих двух понятий. Полное осуществление анархизма мыслимо лишь в том случае, если подавляющее большинство трудящихся будет с нами. На второй же день социальной революции мы по всей вероятности большинством не будем, а наоборот, вероятно, очень активным, очень передовым, но меньшинством, Рядом с нами будут существовать все рабочие и крестьянские партии: большевики, левые эсеры, максималисты, меньшевики, правые эсеры и т. д. Если бы даже мы могли уничтожить насилием враждебные нам партии, то мы этого не сделали бы, ибо тогда нам пришлось бы об'явить диктатуру нашей партии, прибегнуть к власти, что привело бы, конечно,— и мы анархо-коммунисты знаем это лучше кого бы то ни было — к бюрократически-государственному вырождению и нашего движения и самой революции. Мы же этого не желаем и с этим главным образом и боремся. Позволить чтобы власть перешла в руки какой бы то ни было другой партии мы также не можем, ибо знаем, что в силу тех же об'ективных условий это приведет к тем же результатам — к убиению революционной инициативы и революционных прав труда, к гибели революции. Итак, мы анархисты-коммунисты, отказываясь брать власть в свои руки борясь с попытками какой бы то ни было другой политической партии узурпировать власть для себя и об'явить свою диктатуру, обязаны тем не менее точно определить линию экономического и политического преобразования общества. Мы должны найти такую линию, которая не будучи на руку ни одной политической партии, которая напротив, будучи направлена против захвата государственной власти какой бы то ни было идейно-политической группой — будет все-таки приемлема для большинства революционных трудящихся. Здесь мы должны руководиться не только принципиальными, но и *тактическими* соображениями. Мы должны выставить лозунг *самоуправления трудящихся* против всех властнических лозунгов, мы должны многократно подчеркнуть *классовой* характер этого самоуп-

---

ционного освободительного движения трудовых классов. Цель же не может противоставляться средству.

Лишь заблудившаяся мысль диллетанта, незнающего истории ни анархического коммунизма, ни синдикализма, может противоставлять их один другому, а затем говорить об их синтезе. Мы же знаем, что коммунистический анархизм всегда был и синдикальным в том смысле, что считал развитие независимых революционных профорганизаций рабочих необходимым условием социальной победы трудящихся. И вопрос, таким образом, мог итти и шел не о теоретическом синтезе коммунизма и синдикализма, а о том месте, которое синдикализм мог иметь в тактике коммунистического анархизма и социальной революции трудящихся. Еще большую теоретическую несостоятельность проявляют «синтетики», когда они пытаются связать коммунизм и индивидуализм.

В чем собственно заключается *анархизм* индивидуалистов? В идеи свободы личности? Но какой «личности»? Вообще личности или подневольной трудовой? «Вообще личности» нет, ибо в конце концов свякая личность, об'ективно или суб'ективно ,попадает либо в сферу труда, либо в сферу капитала. Идея *свободной трудовой личности* составляет *неот'емлемую* черту коммунистического анархизма. Больше того: идея свободы личности свое наиболее полное выражение может получить лишь в анархо-коммунистическом обществе, ревниво заботящемся как об общественной солидарности, так и о правах личности.

Идея антигосударственности также является одним из основных принципов коммунистического анархизма. При том у нас эта идея имеет реальное содержание и реальные формы. Коммунистический анархизм отвергает государственность во имя соцальной независимости и самоуправления трудовых классов. Во имя чего индивидуализм отвергает государственность? И отвергает ли он ее? Мы знаем, что некоторые теоретики индивидуализма об'являют смертельную войну коммунистическому анархизму за то, что этот последний стремится к обобществленной экономике и уничтожению государства. Они отстаивают право индивидуальной собственности, как в личной жизни, так и в области производственных отношений. А там, где имеется принцип индивидуальной собственности и индивидуального накопления, там неизбежна борьба экономических интересов, там неизбежна государственная организация, создаваемая экономически более сильной стороной.

Классовой борьбы индивидуализм не признает, классовый идеал — равенственное анархо-коммунистическое

равления и наконец *определить орган этого самоуправления*, его структуру, его характер.

Все это воплощается в идее трудовой демократии, к которой усердно примазываются все, кому только не лень: большевики, меньшевики, эсеры и т.д. Трудовая демократия в силу об'ективных условий своего развития может эволюционировать только в антигосударственном направлении и приводит к анархическому коммунизму. Лозунг трудовой демократии нам следует *разработать, определить и* пропагандировать. Подчеркиваем слово «разработать», ибо в противном случае мы останемся при старых, общих, ничего не говорящих и никуда не годных фразах вроде «народная стихия», взрыв народной «инициативы», «нам ничего не нужно определять, народ сам определит», не говоря уже о злоупотреблении туманным и неопределенным понятием «народ». Ясность, точность и определенность понятий, которыми оперируешь, обязательны для каждого революционера.

Хотя трудовая демократия и направлена против *власти* политических партий, но она не направлена против идейно политических группировок, как таковых. В эпоху революции идейно-политические группировки *существуют* и будут существовать, хотим ли мы этого или нет. При известных условиях они могут даже играть положительную роль. Оговариваемся — при известных условиях, понимая под этими условиями как раз режим трудовой демократии, который парализует и убьет в корне стремление этих группировок к власти. Но ведь кроме стремления к власти идейно-политические группы имеют программу в области производственной, кооперативно-потребительской, земельного хозяйства, культурно-просветит. и т. д. Ведь власть для них есть только средство к реализации этих проблем. Если же трудящиеся классы им отрежут путь к власти, то они попытаются реализовать свои программы через идейное влияние на органы самоуправления трудящихся. Само по себе это влияние для революции не только не опасно, но, наоборот, положительное. Впрочем, этот вопрос мы затронем ниже, в связи с таким важным вопросом, как структура и характер органов рабоче-крестьянского самоуправления.

Должны ли органы самоуправления трудящихся иметь какую-либо новую форму организации или же форма их была уже раз выявлена в процессе русской революции.? По нашему мнению органы эти уже выявлены в процессе русской революцией в форме *советов*.

И в сасмом деле, если проследить историю советов от начала их возникновения, то нельзя не убедиться, что советы по своему характеру, целям и задачам стремились быть всегда революционными органами самоуправления трудящихся. В период между февральской и октябрьской революцией шла фактически борьба между государством и советами. Советы были не только противовес государству буржуазии со стороны воли рабочего класса, но они представляли собой новый тип организации революционной общественности. Не все понимали, что после победы революции сосуществование системы государства с системой советов невозможмо, что эти две системы взаимно исключают друг друга, что если руководство революцией перейдет в руки партийного государственно-бюрократического аппарата, то он неминуемо убьет советы. К сожалению, лишь незначительное меньшинство рабочего класса, анархо-ком-

---

общество — отвергает; идея организованности, как в анархических рядах, так и в среде трудовых классов, ему чужда. Чего же он хочет? Что в нем анархического и где те элементы, с которыми коммунистический анархизм должен синтезировать? Грубая ошибка «синтетиков» состоит в том, что они не позаботились изучить и понять явления коммунизма, синдикализма и индивидуализма, а приняли на веру ходячие, базарные толкования их, являющиеся грубейшей отсебятиной митинговых болтунов, и принялись эту троякую отсебятину синтезировать. В результате получилась отсебятина в кубе. В самом деле, то неизвестное, которое должно получиться в результате теоретического синтеза, т. е. «синтетическая организация», вмещающая в себе сторонников ныне различных течений, какие цели она будет преследовать? Судя по замыслам «синтетиков», целью этой организации не будет анархический коммунизм, но не будет ею и индивидуализм индивидуалистов, ни синдикальный строй чистых синдикалистов. Что же в таком случае будет целью синтезированного анархизма? Каково содержание и каковы формы этого загадочного «икса»? Какова организационная база, тактика, классовый и социальный характер «синтетической организации» Все эти вопросы немедленно всплывают, коль скоро «синтетики» заявляют *недостаточность* теории коммунистического анархизма в деле построения общей анархической организации, коль скоро они предлагают синтезировать различные социальные и философские течения. И на все эти вопросы синтетики давно должны бы дать ответ. Но его—ответа—нет и, по нашему, быть не может. Ибо, как мы показали выше, за исходный пункт авторы синтеза взяли совершенно нереальные понятия коммунизма, синдикализма и индивидуализма и благодаря этому с самого начала запутались, добавляя к имеющемуся у нас хаосу новую фикцию синтетического анархизма.

Авторы «синтеза» любят часто ссылаться на анархическую организацию «Набат», которая своей деятельностью подтвердила будто бы идею синтеза. Колоссальная ошибка, очевидное заблуждение. «Набат» действительно призывал к совместной работе анархо-коммунистов, синдикалистов и индивидуалистов, в рядах его действительно работали люди, называвшие себя анархо-коммунистами, анархо-синдикалистами и анархо-индивидуалистами. Но первое и второе ничего общего не имеет с идеей синтеза. Призыв «Набата» к совместной работе означал прежде всего призыв к прекращению внутренней борьбы во имя борьбы с общим врагом. Этот призыв ни в какой

мунисты и анархо-синдикалисты понимали эту азбучную истину, что советы есть система руководства революцией снизу, в то время, как государство есть система руководства революцией сверху, по партийной указке и что трудовые массы, стремясь к подлинному самоуправлению, не дооценивали опасности превращения советов из органов самоуправления трудящихся в органы государственного управления трудящимися. Эти системы не совместимы. Подавляющее большинство трудящихся, не понимая исторической роли советов, думало совсем иначе и когда советы приступили к созданию «советского» государства, то они заранее сами себе подписали смертный приговор. Наместо советов — подлинных классовых органов самоуправления трудящихся, рожденных революцией, связанных тысячами уз с ежедневной жизнью и чаяниями пролетариата, как класса, создалось надклассовое обюрократившееся государство — орган деклассированной партии. И уже на 4-ый год революции это поняли многие большевики, в особенности индустриальные рабочие. Это мнение нашло свое яркое отражение в брошюре А. Коллонтай «Рабочая оппозиция. (стр.46):

«Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту *надклассовую политику* (курс. Кол.), которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам соцаильно-разнородного, смешанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаньям, и неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от «курса на бедняка к курсу на «хозяйственного, трудолюбивого мужика собственника».

« Ваша политика — поучала оппозиция Ленина — выбирающая равнодействующую между тремя группами населения, весьма мудрая политика, но она, пахнет старо-знакомым приспособленчеством, оппортунизмом».

Но уже было слишком поздно. Судьбами революции завладел всецело государственный аппарат и повел ее по антипролетарскому «надклассовому пути», т. е. фактически по пути преобразования «советского» государства в капиталистически устроенное государство. Эту эволюцию сов. государства в государство бюрократическое поняли и заграничные революционеры и один из них Н. Лузон превосходно ее характеризует. в «La revolution proletarien» от 15 мая:

Армия Тьера совместно с армией Бисмарка помешала, перешагнув через 30.000 парижских рабочих, чтобы республика коммун Франции стала действительной. В силу совершенно другого процесса, не вследствие насилия и победы классового врага, но в силу внутренней эволюции, республика русских советов, Советское Государство, как таковое, как Советское, перестало существовать.

Всякий знает, что Советы постепенно потеряли все свои политические аттрибуты; они уже не являются органами власти, а лишь простыми муниципальными советами, которые, даже в муниципальных вопросах имеют меньше власти, чем муниципальные советы буржуазных государств.

Исчезновене Совета, как органа государственной влас-

степени не осуществлял идеи теоретического синтеза отдельных течений в анархизме. Затем, находившиеся в рядах «Набата», якобы, анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и анархо-индивидуалисты не были ни тем, ни другим, ни третьим. Называли они себя разными «истами», главным образом, на основании модных, ходячих фраз, и ни в какой степени не связывали своего имени с тем учением, которому это имя принадлежит. Особенно это относилось к «индивидуалистам». Люди называли себя так, потому что в этом слове им чуялось больше удали в смысле безответственности; они в то же время не могли дать элементарного изложения индивидуализма. Индивидуалисты, которые знали, что такое индивидуализм, и по своей природе им жили, например Андрей Андреев, видели, что никакого синтеза с коммунистическим анархизмом быть не может, и стояли в стороне от «Набата».

В «Набате» работали анархисты сообща не потому, что их спаяла «декларация» единого анархизма (наоборот, декларация эта по своей очевидной несостоятельности лишь отталкивала от «Набата» анархистов, мысливших теоретически), а потому что в острые месяцы социального пожара на Украине в 1918 г. у многих анархистов был порыв действовать сообща, и они действовали, независимо от своих политических оттенков. Но «Набат» никогда не имел под собой определенной теоретической базы, определенной организационной платформы. Набат жил пока одним *порывом* без необходимой программы — «платформы» И это составляло роковую сторону «Набата». Рано или поздно «Набат» при первом серьезном жизненном испытании*) должен был распасться, независимо от давления большевиков, или он должен был дифференцироваться, создать как базу себе, определенную программу, т. е. стать на тот путь, который четыре года спустя после «Набата», наметился Группой Русских Анархистов Заграницей.

Таким образом, ссылки на «Набат» ни в какой степени не подтверждают идеи синтеза, а наоборот, — опрокидывают ее.

Центральным течением, хребтом анархизма, является анархо-коммунизм. Анархо-синдикализм — лишь один из методов борьбы за анархо-коммунизм. Индивидуализм — преимущественно литературно-философ-

---

*) *Уже по вопросу об отношении к махновскому движению на сентябрьской конференции «Набата» 1920 г. наметился раскол.*

ти, это исчезновение рабочего государства,*) но это отнюдь не есть исчезновение государства. На развалинах рабочего государства создалось другое государство. Под формой Советов властвует совершенно другое госядарство.

Прообраза этого другого государства не следует искать, к сожалению, в Парижской коммуне. Его следует искать в старом режиме. Демократическое государство, как две капли воды похожее на демократическое государство царских времен — каким является отныне государство, носящее ярлык рабочего. На место государства народных представителей создалось государство чиновников. На место уполномоченных, действующих под непосредственным контролем своих мандаторов — иерархия бюрократов. На место власти, руководимой низами, власть исходящая из верхов.

Форма старого русского государства таким образом восстановилась. Политбюро замещает царский кабинет, в качестве наиболее высшего органа бюрократии; чиновник переименовался в члена "аппарата". В качестве почетного собрания — ибо каждый изживающий себя режим привиллегированных имеет свои почетные организации — Совет, замещающий старое земство. Даже в своих репрессивных средствах современное Советское государство рабски копирует царское государство; вместо народной, выборной юстиции, являющейся традиционным требованием рабочего класса, восстановилась административная юстиция, приговаривающая к тюремному заключению, к ссылке без дебатов, без гласности, часто даже не выслушивая обвиняемого.

Таким образом, государство, считающе своей целью освобождение пролетариата от капиталистической эксплуатации и введения социализма, создано по образу и подобию государства, функцией которого являлась гарантия привилегий земельного собственника. Отсюда вывод, что если бюрократическая машина, которая действовала в интересах царя и феодалов, будет так же действовать в интересах пролетария, то-есть говоря иначе, "следует только пролетариату положить руку на государственный механизм, чтобы тот служил его интересам". Если так думают, то думают как раз обратное тому, что думал Маркс и Парижские коммунары; употребляется как раз противное тому, что Ленин дал в качестве программы революции.*)

Я не думаю, чтобы когда либо в истории был подобный пример революции, восстанавливающий в конце ее с такой полностью то, что она в ее начале с такой торжественностью порицала.

Как это об'яснить? Как каждый угнетаемый класс, пролетариат был предметом воздействия двух противоречивых сил. С одной стороны геми кто его угнетает; это сила, ди-

---

*) Мы не входим здесь в принципиальный и теоретический разбор взглядов Лузона. Важно, что выводы его из его же предпосылок совпадают с нашими.

Я. В.

*) Я защищаю с определенностью, исключающей всякое недоразумение, необходимость государства в переходный период между государством буржуазии и государством пролетариата. Но государство по Марксу и по опытам Парижской Коммуны, без постоянной армии, полиции и без армии чиновников, стоящих над народом.
Апрель. 1917.

Ленин.

ское явление, часто с большой дозой буржуазности, а не социальное движение. Лишь поверхностная мысль интеллигента-диллетанта могла додуматься до идеи синтеза там, где нужно как раз обратное, где нужна *дифференциация*, углубление и выявление основных анархических положений, могущих стать программой анархического движения. Эти положения полностью находятся в коммунистическом анархизме. И наша обязанность — связать их в стройную логическую программу в целях создания общей анархо-коммунистической партии. Таков единственный путь поднятия и укрепления анархического движения в рабочих массах. *П. А.*

ОБ АНАРХИЧЕСКИХ КОМИТЕТАХ

«Организация» стала в последнее время «модным» словом для так называемого «анархического общественного мнения», вернее тех болтунов, которые все крутятся кругом да около теперешнего хаотического состояния нашего движения. Организаторов у нас стало очень много, но организованных, дисциплинированных работников движения очень мало. И вся беда в том, что организаторы прежде всего сами никоим образом не хотят организоваться.

Ярким примером этого является создание анархических «комитетов» без лика: и «издательские» и «редакционные» и «помощи заключенным» и интернациональные и взаимной помощи. Но каждый комитет работает независимо, для себя, считает себя единственным и пользуется «анархической свободой» для того, чтобы отгородиться от всякого контроля какой бы то ни было организации.

Но стоит присмотреться ближе к работе этих комитетов, чтобы видеть, как они сплошь и рядом являются гнездом самого бесшабашного индивидуализма.

Базой таких комитетов является не принцип делегатства групп, а личные связи знатных и знакомых анархистов. Всегда почти является один организатор, который по своему личному усмотрению выбирает членов комитета. Случается часто, что и серьезные организации строят свои комитеты, напр. помощи заключенным, на индивидуальном подборе нескольких «знаменитостей». Вообще характерной чертой этих всех комитетов является

алектическая творческая сила, революционная, которая должна, в конце концов, восторжествовать. Но с другой стороны он подвержен иному влиянию, нисшего порядка, более поверхностному, которое в конце концов всегда бывает побежденным, но которое в минуты, когда пролетарское движение задерживается в своем развитии, может временно быть более сильной; оно состоит в том, что пролетариат подражает другим, высшим классам, которые его угнетают. С одной стороны действует сила борьбы с буржуазией, с другой — сила подражания буржуазии. Эта последняя сила и есть психологическая основа реформизма. Это ею об'ясняются парламенские люди среди рабочего класса наших стран. "Парламентаризм есть машина, прекрасно функционирующая для блага буржуазии; мы должны только подражать буржуям, нашим хозяевам, устроимся на их месте, при их машине и она станет работать для нашего блага". Абсурд! Ибо машина, которая построена для одной какой нибудь определенной работы, по этой самой причине совершенно негодна для выполнения другой работы, определенно противоположнй. Чтобы исполнить как следует определенную работу, недостаточно переменить механизм, следует поставить новую машину, приспособленную к данной работе. Но это абсурд, под влияние которого в периоды упадка и разочарования, массы легко поддаются, ибо она прикрывает нашу лень — ибо для создания новой машины надо много творческой энергии.

"Советское государство было новым творением, новым механизмом, который вначале, конечно, не мог функционировать без преград; ряд трудностей, и даже больших, должен был возникнуть; и тогда начало казаться, куда проще вместо того, чтобы создавать новые средства для решения этих трудностей, пустить просто старый механизм, который массы видели функционирующим в течении веков, механизм бюрократического государства.

«Таким образом, массы стали жертвой той же иллюзии, которую питали западно - европейские социал - демократы: те, привыкшие видеть финкционирующий буржуазный парламентаризм, считают его средством освобождения рабочего класса; русские, привыкшие видеть функционирующую царскую бюрократию, дошли до того, что начали считать бюрократию средством освобождения пролетариата. В обоих случаях отсутствие веры в творческие силы рабочего класса; потребность подражать своим господам.»

В этой своей в общем правильной характеристике советов в теперешней России Лузон не понял одного существенного факта, а именно, что основной причиной «отсутвия» веры в творческие способности рабочего класса и потребности подражать своему господину» явилось прибавление к прилагаемому «советское» существительного государство, что создание советского «государства», этого contradictio in adiecto» было великой исторической ошибкой русского пролетариата.

Наша задача, анархо-коммунистической партии, состоит именно в том, чтобы вложить в идею советов ее естественное содержание — тесно и ясно разграничить идею государства от идеи советов и руководство массами в их стремлении к реализации советского строя на основах трудовой демократии.

Каково же это содержание? Каковы те организационные принципы и гарантии, которые предохраняют сов. строй от покушения на него какой бы то ни было государственической группировки?Этой гарантии следует — как уже было указано — искать в самой структуре советов.

«личная схема». Перебирая участников комитетов за последние десятки лет в нашем движении неизменно натыкаешься на одних и тех же лиц. Как будто новое поколение совсем не выросло.

Кроме комитетов с ярко индивидуалистическим характером имеются комитеты смешанные. Созданные как будто из делегатов групп, но дополненные по принципу кооптации теми или иными индивидуальными работниками. Многим кажется, что кооптация личностей дает возможность притянуть к работе более способных работников, стоящих по тем или иным причинам вне групп. Но это мнение рискованное. Ничто так не деморализует в теперешнем состоянии нашего движения ее ответственных работников, как возможность бесконтрольной работы. Мы не оспариваем принципа кооптации при наличии анархической организованности и коллективной и индивидуальной ответственности в ней. Но при теперешнем состоянии нашего движения кооптация зачастую вырождается в кумовство, с которым надо откровенно и решительно бороться.

Допускать при теперешнем состоянии нашего движения «индивидуальных работников», избегающих работы в организованных рядах — это значит давать и дальше им возможность пренебрежительно оставаться вне организации и тем подрывать и организационное дело и самый принцип анархической организованности. Это значит — столь важное организационное дело, как издание газет поручать лицам, находящимся вне организованного движения, это значит этим лицам поручать ведение больших анархических издательств, это, наконец, значит им, стоящим вне организованного движения, дать возможность руководить политикой и тактикой этого движения и т. д.

Комитет, т.е. орган движения, связывающий деятельность отдельных ветвей движения, не может быть создан ни на *личной*, ни на по*луличной* базе.

Всякий анархический комитет организационно должен концентрировать данную ветвь нашей деятельности, находиться под организационным контролем всего организованного движения и быть перед ним ответственным как в идейном, так и в организационном отношении.

Это возможно лишь в том случае, если комитеты созданы по принципу делегатства от организаций и будут иметь определенную идейную базу. Только в этом случае редакционный комитет, например, будет представлять мнение большинства организации, а не нескольких случайных людей, умеющих литературно писать. Лишь в этом случае издательский комитет будет издавать

Какие же воззрения существуют на этот счет среди русских социалистических течений?

Меньшевики придерживаются взгляда, что в советы должны входить представители всех рабочих и крестьянских партий и что лишь таким образом можно реализовать трудовую демократию. Таких же взглядов придерживалась вначале октябрского переворота некоторая часть большевиков. Сейчас же после октябрьского переворота А. Шляпников, назначенный народным комиссаром Труда вместе с несколькими другими большевиками наркомами подал заявление в П.И.К.С.Р. и С.Д. и СНК, в котором он писал: « Мы стоим на точке зрения необходимости образования *социалистического правительства из всех советских партий*. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне того есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства посредством политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комисаорв. *Мы на него не можем и не хотим вступить.* Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью *к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звания Народных комиссаров*» (Л. Троцкий. Соч. т.III, 1927 г. стр. 2 приложение 13)

Этой концепци и своего рода рабочего парламентаризма меньшевики впрочем более не придерживаются, будучи откровенными сторонниками создания буржуазной капиталистической республики. Некоторое эхо этой концепции можно различить теперь у троцкистов, а именно в столь нашумевшей в прошлом году статье Оссовского в «Большевике»

Диаметрально противоположный взгляд на этот счет имеют большевики: членами совета могут быть или коммунисты-партийцы или же люди без всяких политических взглядов, т. е. беспартийные. Это есть взгляд откровенного мордобоя ничего ни с советизмом, ни с демократией не имеющий общего. Полное банкротство этих методов вскрыли некоторые деятели оппозиции (ноп), доказывая, что при существовании единой и единственной компартии и нэпа все классовые противоречия переносятся внутрь партии и под личиной коммунистической скрывается и буржуй, и кулак, и бедняк, и середняк. Согласно оффициальному коммунистическому взгляду советы должны быть подневольными органами правящей партии, т. е. деклассированной верхушки — политбюро. Нечего и удивляться тому, что в Советском государстве роль Советов, как классовых органов трудящихся, сведена к нулю, руководство страной находится в руках органа (компартии), являющегося *дегенераативным* выражением всех существующих в стране на почве возрождающегося капитализма классовых противоречий.

На цели и задачи, характер и структуру Советов существует третий взгляд — анархистов и анархо-синдикалистов. Мы постараемся здесь определить нашу точку зрения на этот вопрос.

Я. ВАЛЕЦКИЙ

(Продолжение следует)

литературу, необходимую всему движению. Комитеты связи, комитеты помощи заключенным и другие комитеты будут находиться под руководством и контролем непосредственно организаций.

Но такая постройка комитетов требует наличия нового типа организации: анархо-коммунистической партии. Партия эта выкорчует организационный и политический хаос, существующий в нашем движении, заменив его определенной творческой работой, и наметит таким образом путь к широкому развитию анархизма в среде борющегося труда.

М. РАНКО.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ «ОТВЕТА НА ПЛАТФОРМУ»*)

В настоящей статье я не намеревался анализировать или опровергать аргументы «Ответа на платформу». Работу эту оставляю товарищам из «Группы русских анархистов заграницей», которых в особенности должен затронуть упомянутый «Ответ». Я ограничиваюсь несколькими замечаниями общего характера.

Раньше всего я должен отметить и подчеркнуть невоздержанность языка авторов ответа. В самом деле, обвинять товарищей из Группы русских анархистов заграницей в том, что они не высказали мысли и утверждать (без доказательств), что они большевики — как никак не есть средство сблизить анархистов между собой. Не желая переступить границ затронутых этой статьей, я остановлюсь на вопросе об «едином фронте» — который является доминирующим в «Ответе».

Какие же предложения выдвигают авторы «Ответа» для решения этого вопроса.?

С одной стороны, опираясь на взгляды «Набата», они об,являют, что: :«будучи убеждены, что во всех течениях анархизма есть положения верные, ценные и т.д., могущие быть признанными и принятыми сторонниками

*) *Настоящая статья написана одним французским товарищем рабочим в ответ на вышедший на днях на французском языке «Ответ на «платформу».*

НА ПОВОРОТЕ

Партйная склока в рядах "ВКП», невозможность "ЦК» партии наладить и войти в соглашение с своей партийной оппозицией с одной стороны, а с другой недовольство рабочих, брожение среди красной армии, и волнение крестьянских масс, все это является грозным признаком для властвующей партии ВКП в СССР и надвигающейся развязке.

Дипломатическая неудача в Европе, крайняя задолженность казны, невозможность получения кредитов, крах торговли и мелкой промышленности и обременение бюджета для видимой поддержки тяжелой индустрии... Все это взятое вместе, а главное голый страх, неумелость, растерянность, и крайняя боязнь потерять сладкий и выгодный для них стул управления огромной и богатой естественными богатствами страной и могучими народами ее населяющими, толкает ВКП на крайние меры.

Сами большевики, находящиеся на теплых местечках заграницей, про настоящее положение в СССР говорят: "Ну у нас сейчас, очень тяжело, режимчик внутри СССР как в 19 году во время военного коммунизма». И они стараются во чтобы то ни стало, под тем или другим предлогом, остаться подольше в гостиприимных на словах, а не на деле им ненавистных буржуазных республиках. Дабы тем спасти свою шкуру и свои благополучия.

Надо заметить, что в настоящее время хотя режим и напоминает в СССР былые времена 19 г., но совершенно с другой подоплекой. Тогда им верил народ, за ними шли массы, а теперь одни с произволом и в союзе с красной нагайкой.

Спрашивается, что же думают низы, каково настроение рабочих и крестьянских масс?

Да оно напоминает собой время последних дней царизма. Так же, как и тогда, сверху идет произвол, а снизу растет мощь и сила недовольства масс.

Массы стали активней. Массы интересуются политической жизнью.

Массы снова сами по себе втягиваются в арбиту борьбы за право на жизнь, за право на свободу.

Но рабочие и крестьянские массы в абсолютном своем большинстве, ее беспартийная толща, не говоря уже об обывательщине, она в счет не идет, не верят ни словам, ни делам оппозиции и оппозиция как и сама партия никакой в массах, опоры не имеет.

Ясно, что в связи с оживлением масс, в связи с ростом новых настроений, начинают проявлять оживление различного рода организации и разные группировки как в самой СССР, так и за рубежем. Большинство из них мечтает построить свое благополучие в недрах грядущей третьей русской революции.

Но они глубоко ошибаются и ошибутся в своих расчетах, их ждет разочарование в своих мечтах и упованиях. Массы теперь не то что раньше. Десять кошмарных лет не прошли для масс даром. В силу и мощь Европейского пролетариата они верят, но не строят на этом всех своих надежд. Они теперь убедились и знают, что изменить свое положение, выбиться на дорогу прав и свободы смогут только сами и своими силами. В этом главная мощь грядущей ре-

---

различных течений следует искать не пунктов расхождения этих течений, а скорее пунктов их прикосновения».

Мы знаем это утверждение. Оно не является новым для нас. Некоторые французские товарищи, даже самые видные, его защищали в тех же выражениях. И они мечтали о всеоб'емлющей организации, где нашлось бы место для всех анархических течений. «Все анархисты —говорили они — должны об,единиться в одной семье. Французское движение сделало попытку такого об'единения. О результатах... расписываться не стану. Теперь обсудим (стр. 6) идейную базу, предлагаемую авторами «Ответа», которые, кажется, тоже желают сделать такую же попытку.

1.«Основной принцип организации и материальная основа нового общества не могут быть иными, как *анархический коммунизм* (подчеркнуто в ответе), начало которого будет немедленным позитивным и творческим шагом в процессе социальной революции».

После прочтения этого, мне кажется, что «анархическое единство» не осуществимо. Я об,ясняюсь: что будет с анархистами не коммунистами; с теми, которые, например, мечтают об обществе, где «каждый будет получать продукт своего труда и усилия»? И что же оказалось. Все они очутились за бортом французского юниона, создавая свои новые организации. Где же единство?

2.«Основной метод действия и организации нового общества будет синдикалистическим; это значит, что без творчески согласованного действия классовых организаций, созданных и связанных между собой трудящимися массами, большая творческая проблема социальной революции — создание экономических основ нового общества — не будет разрешена».

Я думаю, что и об этом абзаце говорить не стоит. Можно о нем сказать то же самое, что и в предыдущем абзаце: антисиндикалисты пойдут тем же путем, что и вышеупомянутые анархисты не-коммунисты.

3. Так как основной и руководящей целью всего процесса, сутью и смыслом социальной организации, является гармоническое и полное развитие свободной и творческой личности, то интересы свободной и творческой личности будут руководить социально-революционным действием».

В этом 3-м абзаце есть попытка соглашения с индивидуалистическими элементами. Но какую ценность может иметь эта попытка? Я думаю, что никакой. Это думается мне доказано первым абзацом.

Итак авторы «Ответа» вопроса не разрешили. И это

волюции. Но в этом и смерть всем мечтаниям разных властолюбцев. В низах СССР сейчас происходит постепенная твердая спайка низов, крестьян, рабочих и красноармейцев. Но делается это «сапом», тихо. Они зорко смотрят и следят, кто их друг, а кто враг, слушают молча, мотая себе на ус. Кого же им надо? Чего же они ждут? Им надо, они ждут в нее верят и к ней идут, медленно, но верно третью, уже грядущую русскую революцию. Она будет сильней, и могучей и плодотворней всех бывших до нее революций. Сейчас они ищут и нащупывают своими мозолистыми руками рычаг этой грядущей революции, чтобы им овладеть, его захватить и не выпускать до торжества своих устремлений

Будем готовы, революция грядет. Партия анархистов-коммунистов, будь наготове!

Да, будем все мы настороже, выполним свой долг и свои обязанности. Все должны быть на своем посту в грядущей Революции в СССР:

Она грядет, и горе будет нам, если мы вновь не поймем ее зова и не подготовим своих сил для выполнения ее задач... Ответственность за ее успех, за ее достижения, за все ее возможности, за все надежды, за всю великую веру в нее среди рабочих и крестьянских масс России, целиком падет на нас, ибо третья революция по своему сознательному замыслу может быть только анархо - коммунистической. Мы должны стать организованными застрельщиками ее социальной идеи.

Рига.

А. Черняков.

РОССИЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НА 8-ЧАСОВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

В «Труде» № 163 от 21 июля с. г. мы находим статью Богданова, посвященную вопросу о повышении рабочего дня для строительных рабочих.

Совещание по строительству при президиуме ВСНХ занялось вопросом об удешевлении построек. Подано было много докладов по этому вопросу, и вот автор статьи из «Труда» останавливается на докладе одного хозяйственника, который предлагает следующие мероприятия для удешевления строительства; даем цитаты из доклада, приведенные дословно в «Труде»: «...распространение закона о сезонных работах и на строительство дает в части выплаты ничем необоснованных для строительных рабочих выходных и отпускных значительную экономию, в размере около двух процентов общей стоимости. Кроме того настаивать на изменении срока сезонности до 8-ми месяцев». Далее: «8-й рабочий день для строительных рабочих является ничем не обоснованной нормой, идущей вразрез со всеми бытовыми и экономическими условиями производства и нарушающими интересы как самих рабочих, так и хозорганов». Поэтому нужно доби-

---

вполне понятно: Я считаю, что при глубоких идейных расхождениях, разделяющих анархистов, реализовать единство является вещью невозможной. Говорить об этой химере, значит попросту тратить время. Делать дальнейшую попытку в этом отношении безполезно.

Что касается меня лично, хотя я рискую навлечь на себя кличку «большевика», я вполне разделяю в этом отношении точку зрения авторов «Платформы; это не значит, что я и во всех прочих отношениях согласен с «Платформой». Но этого авторы «Платформы», впрочем, и не требуют. В предисловии к «Платформе» они указали на то, что «Платформа» только проект, который может быть продискутирован и просмотрен.

Я согласен с ее основной тенденцией, а именно организация *анархо-коммунистов* на точно определенной идейной и организационной базе. Я ее прдлагаю товарищам для дисскуссии. Товарищи, разделяющие мое мнение, должны сделать необходимое для торжества этой точки зрения в своих организациях.

БУШЕ.

ОТКЛИКИ НА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ПЛАТФОРМУ

Издание нашей Платформы на французском языке вызвало живое эхо во французской анархической прессе, что свидетельствует о том, что издание это было как нельзя более кстати в настоящее время. Оно как раз совпало с процессом «переоценки ценностей» и создания новых здоровых и прочных устоев рядов. Мы должны с удовольствием констатировать, что в общем платформа вызвала к себе положительное отношение со стороны французских товарищей. В большинстве своем отзывы приветствовали издание платформы, считая, что защищаемый ею организационный принцип есть единственный исход из того организационного хаоса, который свил себе гнездо в наших рядах. К таким отзывам надо причислить статью тов. Одеона в «*Либертере*» под назв. «О Платформе». Тов. Одеон считает особенно ценным в «Платформе» точное определение нашего отношения к проблеме военной защиты революции, которое он вполне одобряет.

«Le Combat», орган бельгийских анархистов, пишет:

ваться установления 10ча-го рабочего дня, расширить права по найму артелей и расчетов с ними, как с коллективом, а не с отдельными рабочими». А для этого: «должна быть установлена материальная и коллективная ответственность рабочих за качество работы, расход материалов и сроки ее выполнения». «Нормы страховых взносов по строительным работам должны быть понижены и установлены единообразные размеры отчислений» и т. д.

Как видно из вышеприведенных предложений хозяйственников, выхода для удешевления строительства при «диктатуре пролетариата» ищут по пути нажима на пролетариат. Нужно прибавить, что доклад ВСНХ констатирует, что «к началу 1927 г. заработок строительного рабочего номинально возрос на 80 % против довоенного, а реально, учитывая индекс вздорожания, составляет 94 %довоенного» и это в то время, когда выработка строительного рабочего достигла «довоенной», как констатирует тот же доклад ВСНХ.

Даже «Труд» возмущается, говоря: «Мы полагаем, что подобные документы нужно рассматривать, как легкомысленный подход, в корне недопустимый и хозяйственно неверный». Но «Труд», к сожалению, не говорит, почему и как эти документы могли появиться, и на что они указывают. Мы им подскажем — они указываются, что «в первом пролетарском государстве», где есть полное наличие капиталистических отношений, но нет независимых рабочих синдикатов, ведется наступление даже на такое скромное завоевание, как 8-й рабочий день.

ЗАБАСТОВКА НА МАРГАНЦЕВЫХ РУДНИКАХ

Бюрократизм во всех областях государственной и хозяйственной жизни СССР дошел до своей кульминационной точки, так что даже начисто процензурованная советская пресса не может, очевидно, не печатать корреспонденции с фабрик и заводов, в которых выявляются все эти «мелкие недостатки», по заявлениям большевиков, государственного и хозяйственного аппарата. Советская печать даже либеральничает и сама хлещет виновников этих «случайных» бюрократических извращений, тем самым стараясь отвести внимание рабочих масс от главных причин этих безобразий — отсутствия классовых независмых профсоюзов и свободы слова и печати для рабочих — следовательно отсутствия рабочего контроля.

Приводим ниже рабочую корреспонденцию, извлеченную из советских газет:

НА МАРГАНЦЕВЫХ РУДНИКАХ (Рабочая газета № 142 от 26 июня с. г.,Москва.)

Оркестр неожиданно заиграл «Барыню» и все недоумен но переглянулись. Обстановка для веселых мотивов бы ла необычной. Весь рудник собрался на кладбище и лю

«Не подлежит никакому сомнению, что платформа вызовет чрезвычайно живую полемику не только в анархических, но вообще в революционных кругах».

«В первую очередь индивидуалисты, не преминуют назвать ее ересью; во-вторых, анархо-синдикалисты усмотрят в ней попытку занять часть их поля деятельности; в третьих, большевики в ней усмотрят неминуемую опасность для их партии, которая монополизирует народное доверие исключительно потому, что не имеет серьезных конкурентов. Действительно, каково бы ни было понимание теми или иными анархизма, надо согласиться, что такая анархическая организация, к какой стремятся русские товарищи, будет несомненно наиболее опасным противником нео-коммунистов большевиков».

«Что касается нас, то, не входя в разбор положений платформы по существу и оставляя себе право выразить свою точку зрения, мы должны себя поздравить опубликованием точки зрения русских товарищей, которая, как бы смела она не казалась сегодня, завтра, может быть, будет общепризнана».

То, что предвидел «Combat»вполне оправдалось. Не было номера «Либертера», где бы не печатались самые разнообразные статьи по поводу платформы.

Малдан видит в «Платформе» попытку «большевизации анархизма». Он не считает возможным существование единой тактики для анархистов, ибо тактика их должна приспособляться к местным условиям и соответственно меняться. Но автор глубоко ошибается, приписывая Русской Группе желание определить в точности тактику и линию поведения для анархистов всего мира. Она лишь указала и подчеркнула те *общие* тактические и организационные принципы, без которых существование мощной анархической организации немыслимо.

В общем и целом рабочий анархо-коммунистический элемент нашего движения приветствует выход платформы, которую он вместе с нами рассматривает, как базу будущей анархо-коммунистической организации. Иначе отнеслись к появлению платформы индивидуалисты. Для них платформа является угрозой их «самодовлеющей» личности. Но не в силах опровергнуть ни одного теоретического и организационного положения платформы, индивидуалисты стремятся выехать на избитом, всем надоевшем аргументе, заявляя, что организационный план платформы имеет большевистский уклон. В чем этот большевистский уклон и как должно уклоняться по анархически, индивидуалисты, к сожалению, не говорят.

«L,anarchie», журнал индивидуалистов видит в «платформе» «опасный уклон» в сторону создания партии и энергично высказывается против такого рода «деформации» основ анархизма. Но что характерно — это отсутствие каких либо конкретных аргументов против «Платформы», и сквозящий в этом журнале и в других индивидуалистических публикациях ужас пред русской платформой, встревожившей их мещанское болото и стремящейся внести ясность в тот организационный хаос, в котором находятся анархические ряды.

В заключение прибавим, что «Платформа» переведена кроме французского еще на немецкий и испанский языки и печатается по китайски.

ди с красными и траурными знаменами столпились у свежей могилы. Только что зарыли в землю товарища шахтера, умершего вчера от сибирской язвы. На могиле держали речи горячие, страстные, оркестр играл «Вы жертвою пали», и вдруг во время речи одного из ораторов оркестр грянул неожиданно «Барыню». Дирижеру руководителю музыкантов, показалось: оратор, кажется, ругнул администрацию, оратор, *кажется*, что то сказал про управляющего; оратор, *кажется...* — «барыню».

Догадливый дирижер! Веселым мотивом он думал навести порядок.

С могилы расходились сумрачные и недовольные, ибо шел май, пятый месяц нового года, и было по прежнему тяжко. Четыре месяца подряд — январь, февраль, март, апрель — основные шахтеры забойщики и откатчики не выработали своей подденной ставки.

Шахтком — выборные рабочих — отмалчивался и на просьбы и жалобы рабочих почти не отвечал. Рабочая часть РКК работала плохо. В общежитиях было грязно и люди спали на полу. На станции—рабочие и шахтком знали это — уже месяц лежали присланные из рудоуправления кровати, но управляющий не находил времени и необходимости привести их в рабочие квартиры.

Полгода «охрана труда» просила сделать умывальник, но управляющий противился этому. А умывальник-то стоил всего три рубля.

В общежитиях полы были сломаны и крысы с,едали хлеб и все продукты рабочих. В общежитие зашел администратор и между ними и рабочими произошел такой разговор: — Товарищ, надо починить полы.Ничего, жить можно. У вас дома, наверное, крысы не бегают? — Гусь свинье не товарищ.

На полях, окружающих рудник, горел хлеб и термометр ежедневно показывал 42 и 47 градусов. Солнце немилосердно жгло. Рабочие пятый месяц не вырабатывали подденных ставок. В шахткоме сидели бездушные люди, аккуратно получавшие жалованье. Весь смысл своего существования они оправдывали исполнительностью, циркуляры в порядке подшиваются в папках. Так работали в шахткоме.. Если все перечислять, то получился бы длиннейший список бюрократического извращения партийной линии, хозяйственники слишком увлеклись «администрированием», а профсоюзный орган — шахтком, призванный следить за тем, чтобы не было бюрократических извращений, поправлять хозяйственников, оказался слишком слабым, оторванным от масс.

Рудком же наоборот уверен — на руднике имени Раковского все обстоит благополучно и рабочие довольны и шахткомом и охраной труда. Рудком совершенно не интересуется вопросом — почему пять месяцев подряд забойщики и откатчики на Раковском не вырабатывают своей подденной ставки? Разве может рудком полагать, что рабочие недовольны шахткомом, когда люди, сидящие в рудкоме, не руководят работой, а разговаривают с шахткомом, только в «*письменном*» виде».

Рабочие, только недавно пришедшие и приехавшие из дальних и окружающих деревень, рабочие, никогда не бывшие в профессиональных союзах — сезонники, «деревенщики пытались разрешить вопрос, улучшить положение *через голову профсоюза*. Кончилась эта история катастрофой. Рабочие категорически заявили, что так дальше продолжаться не может, что надо положить этому конец и что на советском руднике не может быть разговоров — «Гусь свинье не товарищ». Рудник *стал*. Правда, он стоял несколько часов, потому что из центра — из Харькова—приехали на рудник имени Раковского комиссия. *Об,ясняется эта забастовка не только непорядками на марганце, казенным бездушием хозяйственников и отрывом шахткома от масс,но, в значительной степени тем, что 80 % рабочих — это люди вновь пришедшие из глухих деревень. Невоспитанные профсоюзом они не видели другого пути в разрешении конфликта, кроме забастовки*.

Рабочий Запада, вероятно, не мало удивится, услышав такое об,яснение происхождению забастовки. Как известно, на Западе именно прошедший профсоюзную школу рабочий прибегает к забастовке, как единственному и вернейшему средству борьбы.

ТО ЧТО Я ПЕРЕЖИЛ В РОССИИ

(Из брошюры Лазаревича)

В № 25 в Д. Тр. мы дали некоторые извлечения из брошюры т. Лазаревича, рисующие социально-политическое и правовое положение русскаго рабочего.

Сейчас мы даем отрывки, рисующие тюремный режим Сов. России.

Вот описание режима «Внутренней тюрьмы ГПУ» в Москве: «... режим этой тюрьмы построен таким образом, чтобы дать иллюзию гигиенических условий и в то же время окончательно унизить моральное и физическое состояние заключенного; с одной стороны блестяще натертый паркет, а с другой ни одной минуты прогулки на воздухе в продолжении 3-5 мес.; с одной стороны никогда не слышно «тыканья», а с другой преследование заключенных путем постоянного наблюдения за ними через волчек; наблюдения за заключенными женщинами производятся надзирателями мужчинами. каждый день тюремщик приходит и спрашивает, хотят ли видеть фельдшерицу, но помощь оказываемая последней, — одна комедия; так однажды, когда фельдшерица констатировала у меня озноб, и я попросил у нее термометр, она мне ответила, что я не в госпитале и настаивала на своем отказе, несмотря на то, что я пролежал 4 дня больной. Обжалование мною этого факта не принесло никаких результатов.

Как общее правило во «внутренней тюрьме ГПУ» всякая корреспонденция запрещена; нельзя иметь ни карандаша, ни бумаги, ни газеты; если следователь разрешает, то можно иметь две книги в неделю из библиотеки, которых впрочем нельзя выбирать. Часовой имеет право стрелять без предупреждения в каждого заключенного, который покажется в окне; абсолютная тишина; напев или свист может навлечь *карцер*; последний представляет собой черную сырую клетку, где заключенный помещен часто без одежды, на нем оставляют только натель-

ное белье; всякое общение между арестованными строго преследуется; в камерах, где сидит много людей, заключенные должны говорить вполголоса; никакого различия между политическими и уголовными. По ночам каждую четверть часа открывается волчек, зажигается электричество и надзиратель смотрит; в одиночных камерах лампа горит всю ночь. Пища состоит из фунта черного хлеба, тарелки супа с несколькими кусочками мяса в полдень и вечером тарелки каши. Постель состоит из одного тюфяка без одеяла; обычно этот тюфяк переходит от одного заключенного к другому без дезинфекции. *Режим особенно тяжел для рабочих, которые, живя в бедности, не могут получать от родных добавочного питанья или одеяла.*

Никогда «внутренняя» тюрьма, так же как впрочем и другие тюрьмы, предназначенные для политических, как Суздальская, Тобольская, Верхне-Уральская, Ярославская не посещались иностранными рабочими и коммунистическими делегациями.

Я никогда не забуду двух вечеров: одного 24 ноября, другого 30 декабря, когда мы в нашей камере услышали душураздирающие крики женщины. После того, как я спросил у тюремщика, что там происходит, и получил ответ, что это меня не касается, я бросился к двери и стал стучать как мог, вместе с троцкистом Завариным и коммунистом из группы «Рабочая Правда» Гайкевичем. Прибежал начальник тюрьмы, вооруженный револьвером и шашкой; только после того, как он увидел, что мы решились на все, и после того, как мы сказали, что если нас не убьют, то мы когда-нибудь расскажем, что они проделывают с заключенными, он смягчился, пробормотал какие-то извинения и приказал: крики прекратить. 30 декабря была такая же сцена с той только разницей, что коммунисты были уведены и помогал мне протестовать социал-демократ Карлинский.

Через 15 дней после ареста меня повели в бюро, где второстепенный чиновник просил меня назвать остальных членов группы. Я от этого отказался и он тогда мне об,явил, что я обвиняюсь по двум статьям — 58 и 59, если не ошибаюсь; я вспоминаю, что одна формулировалась — «за участие в организации, которая сотрудничает с международной буржуазией».

31 декабря меня снова вызвали на допрос; вместо того, чтобы вести меня в бюро, меня тщательно обыскали и пред,явили документ, который я помню почти дословно. Порядок дня, 12 декабря 1924 г. — Дело Лазаревича Резолюция — Заключить на три года в концентрационный лагерь.

Итак, говорит тов. Лазаревич, за одно желанье основать профсоюз рабочий присуждается к трем годам концентрационного лагеря, причем ему не пред,является точное обвинение; он судится интеллигентами, которые решают его судьбу, даже ни разу не видев его в лицо, и делается это в один сеанс, во время которого они должны рассмотреть большое количество дел; никогда рабочий класс не знает, в чем его обвиняют, и насколько он осужден; никогда этот осужденный не имеет возможности об,ясниться со своими товарищами.

Не имея возможности останавливаться на интересных описаниях режима Бутырской тюрьмы, мы остановимся еще на описании концентрационного лагеря в Суздали. Он представляет настоящую тюрьму, расположенную в старом монастыре; арестованные там содержатся по два, три или по одному в камере; режим здесь строго тюремный, напоминает режим Бутырок — та же вынужденная тишина, тот же запрет общаться между заключенными. Медицинская помощь производится врачем, в полном подчинении коменданту.

Так за несколько дней до смерти соц.-демократа Шенкмана, он (врач) нашел нужным перевести его в солнечную часть госпиталя. Но комендант этому воспротивился, а врачу даже мысль не пришла заставить уважать его медицинский авторитет. В другой раз он нашел необходимым перевести соц-демократа Горецкого, больного ревматизмом, в менее сырую камеру; но так как комендант был против, несмотря на то, что за от'ездом грузинских социал-демократов было большое количество свободных камер, Горецкий не был перемещен, и врач не проявил ни малейшего протеста. 7 ноября в камере, где мы помещались вдвоем, у того же Горецкого был припадок; он бросился на кровать и стоная просил меня через надзирателя достать успокоительных капель из соседней камеры. К несчастью был в то время знаменитый начальник охраны Блинов; он зашел к нам в камеру и сказал мне, что медикаменты могут переноситься из камеры в камеру только фельдшерицей. Я об'яснил серьезность случая и просил прислать фельдшерицу; он мне отказал, ссылаясь на праздничный день и отклонил также мою просьбу прислать коменданта. Я не знал, что мне делать, находясь между усмешкой тюремщика, забавляющегося моим бессилием и скрученным на моей кровати человеческим телом, с пеной у рта. К счастью, открыли двери камеры, что пустить нас на прогулку; я мгновенно успел войти в соседнюю камеру, быстро схватить капли и отнести Горецкому. С этого дня Блинов искал случая поймать меня на проступке.

Одно существеннейшее обстоятельство должно быть оповещено — что, окончив срок наказания, арестованные не освобождаются; их отвозят в ГПУ в Москву; они снова опрашиваются, часто тем же следователем; если после этого допроса или «разговора», по обычной терминологии, этот чиновник находит, что арестованный не отступил от своего прошлого, он снова представляет новую статью закона, дело переходит снова на секретное заседание, чтоб получить новой приговор, на этот раз на три года ссылки.

Далее товарищ дает целую серию имен заключенных, окончивших их сроки в Суздали и сразу отправленных в ссылку.

...«Однажды, проходя мимо камеры двух других заключенных, принадлежавших к моей партии по прогулкам, я хотел зайти, вернуть им книгу (что позволено для заключенных, вместе гуляющих), надзиратель протянул руку, чтоб помешать пройти; я вошел все-таки, отстраняя его руку плечом; начальник охраны Блинов, который давно искал конфликта, прибежал и попытался

вытащить меня оттуда; увидев мое и других заключенных решительное сопротивление, они не настаивали. Видя, что они имеют дело с рабочим, они решили, что мне достаточно 10 минут, чтоб приготовиться, в то время как интеллигентам дают от 2 до 7 час. чтоб собраться и попрощаться с товарищами по прогулке. Видя, что я буду сам предоставлен в распоряжение этих людей, деяния которых в Соловках и Ярославле мне были известны, я решил сопротивляться до последних сил. Я отказался ехать, когда группа тюремщиков ринулась в мою камеру, чтоб меня оттуда вытащить.

Я ухватился за оконную раму и пока они меня душили, я кричал заключенным все то, что мне приходило в голову: Да здравствует пролетарий! Да здравствует Анархия! Товарищи тащили меня по корридорам, затыкая мне своими капотами рот, чтобы заглушить мои крики. Притащили меня в камеру, они меня положили на пол, сели на ноги, в то время как один из начальников охраны, украшенный орденами «Краснаго Знамени Труда», говорил мне с тонкой усмешкой: «Успокойтесь".

Через несколько минут пришел комендант и сказал, что несмотря на то, что я политический, я веду себя как бандит. Меня бросили в сани и повезли в снежную бурю во Владимир; против обычая, мне не дали плаща, предназначенного для заключенных, который не должен сделать ни малейшего движения во время езды; под угрозами револьвера я приехал на этап как ледяшка; даже терроризированные крестьяне этой деревни не могли сдержать себя, чтобы не сказать коменданту, завернутому в меха: «ак вы его так везете?". Этот невинный вопрос дал понять моему охраннику, что я до места не доеду и он мне дал тонкое одеяло.

По прибытӥ моем в Москву я провел опять три недели во внутренней тюрьме; был на двух допросах, во время которых я рассказал детально, как со мной обращались; все что я получил в ответ от Андреевой, начальника секретного оперативного отдела — это, что я должен дать обязательство в будущем подчиняться тюремным правилам и тогда меня переведут в политизолятор, где сидят анархисты. Так как я этого обещания не дал, то я был возвращен в Бутырку, где я оставался вплоть до моей высылки из России.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

(Заметки)

Недавно «вышел в свет и поступил в продажу» новый русский журнал в Америке «Пробуждение» — орган свободной мысли.

В передовой статье (о наших задачах) редакция журнала старается наметить задачи своей работы. Эти задачи двоякого рода: организационного и просветительного. «Вокруг «Пробуждения» — говорится в передовой статье журнала — мы хотим сплотить ту часть русской эмиграции, которая отреклась от прошлого — монархизма и не приемлет настоящего — большевизма; мы хотим видеть среди нас прежде всего людей честных и добросовестных, ищущих, как и мы, правды и справедливости на земле»... Хорошие, благие намерения! Мы бесповоротно отвернулись от монархизма и не приняли большевизма. Но что говорят нам эти намерения? Определяют ли они взгляды самих сторонников «Пробуждения»? Не говоря уже о том весьма известном факте, что и среди большевиков можно найти «людей честных и добросовестных, ищущуих, как и мы, правды и справедливости на земле», — эти намерения совершенно не определяют мировоззрения сторонников «Пробуждения». Правда, в дальнейшем изложении последние называют себя «свободниками», сторонниками «свободного общества», сеющими семена «нашего учения» и т. д., но все их выражения и слова по этим, как и по другим вопросам, затронутым в передовой статье, так расплывчаты, неопределенны и, главное, не сведены к одному общему или единому принципу мировозрения, что очень трудно судить о взглядах сторонников «Пробуждения» вообще... Наоборот, чувствуется какая-то боязнь вообще (или недоумение?) высказаться определенно и назвать вещи подлинными именами. Кстати, во всей передовой статье журнала, несмотря на всю его претенциозность или притязательность на анархизм, ни разу не упомянуто слово анархизм.

Можно, понятно, критиковать анархизм и не соглашаться с анархистами, но говорить, например, что мы «свободники» и в то же время выступать против безвластнической программы или платформы, — как-то совсем непонятно... Не иначе: товарищи, группирующиеся вокруг «Пробуждения», анархо-боязливые люди; анархизма, видно, они боятся пуще всего...

Культурно-просветительная работа стала в настоящее время «притчей во языцех» среди русских рабочих в Америке: всякий встречный и поперечный русский колонист только и знает одно: культурно-просветительная работа. Повторяет это на разные лады и журнал «Пробуждение». Но давно уже известно, что на одной только просветительной работе далеко не уедешь...Можно вечно просвещаться в культурно-духовном отношении, но зато оставаться рабом в социально-экономическом отношении. Социально-экономическое рабство есть поэтому главный недуг, коренное зло, от которого рабочие и должны прежде всего освободиться.

Русских рабочих в Америке достаточно кормили культурно-просветительной пищей (такая пища и теперь еще приготовляется ежедневно «Рассветом«), и в настоящее время, более чем когда бы то ни было, следует обратить самое серьезное внимание на организационную работу и на издание ясно выраженного анархического журнала, как идейного выразителя этой работы. Но новый журнал совсем не идет навстречу этой назревшей потребности, и с болью в душе приходится, поэтому, признать, что с точки зрения определенной и ясной анархической идеологии журнал «Пробуждение» есть плод заблуждения некоторых русских товарищей...

Л. Л.

В ЗАЩИТУ САККО И ВАНЦЕТТИ

7-го авг. в Париже состоялась грандиозная рабочая демонстрация, в защиту Сакко и Ванцетти, в которой приняли участие свыше ста тысяч рабочих. Кортеж демонстрантов втечении нескольких часов двигался под громовые возгласы: «Да здравствуют Сакко и Ванцетти!»

Демонстрация закончилась огромным митингом на поляне Венсенского леса, где десятки ораторов одновременно говорили с импровизированных трибун. На другой день — 8 авг. в Париже и по всей Франции началась однодневная забастовка в защиту Сакко и Ванцетти.

По сообщению «l,Hummanité 7 авг. в *Москве* состоялась грандиозная демонстрация, в защиту Сакко и Ванцетти, которых большевики скромно называют рабочими, упорно избегая сообщить что они—рабочие анархисты и что за идею анархии, а не за что другое, американская буржуазия казнит их.

Забастовки и демонстрации в защиту Сакко и Ванцетти произошли в *Аргентине* (с террористическими актами), в *Парагвае* (до полного освобождения Сакко и Ванцетти), в *Южной Африке*, в *Швеции*, в *Лондоне*. Назначена забастовка в *Сев. Америке*, в *Германии* и других городах.

Сев. Америка приняла вид военного лагеря. Произведенные в Нью-Иорке, Филадельфии и других городах террористические акты нагнали панику на буржуазию, которая поставила на ноги всю свою полицию. Резиденции Кулиджа, губернатора Фуллера и других палачей Сакко и Ванцетти охраняются удвоенными и учетверенными нарядами полиции.

ОТЧЕТ

«Об-ва Помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

Окончание (См. Д. Тр. N 25).

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ №24, ДЕТРОЙТ.

Козончик — 1.00 дол., Каминский— 0,50, Лавчук — 1.00, Ермолин — 0,25, Покотило — 0.25, Берков — 1.00, Юлков — 0,25, Д. — 0,25, Эйко — 0,25, А.С. — 0,50, Шевчук — 0,50, Дметюк — 0,50, Савенко — 0,50, Каранчук — 0,50, Матвичук — 0.50, Кобилмиков—015, Бирюков — 0,25, Гугаревич — 0,25, Плужников — 025, Onik —0,25, Манчик — 0,25, Тиско — 0,25, Мак — 0.25, Зобик — 0,25, Тихонович — 0,50, Шаровалов — 0.25, Крулек — 1.00, Мороз — 0,50

Комаревич — 0,25, Антонов — 0,25, Птюга — 0,25.

По подписному листу N 30 при Пен Михалковский — 1,—, М. Румов — —,50, Неизвестный ——,25, Побудинский — —,25, П. Новиков — —10, Я. Герасинко ——50, С. Иванов —25, Я. Голубовский — 50, И. Рыбаков —25, А. Зуев — 25, И. Шевлюков — 50, И. Саракваша — 50, А. Саракваша — 50, И. Кудленков — 50, М. Кудленков— 20, Ф. Напревко — 50.

По подписному листу N 31 при Пен. Д. Знубощилов — 1,—, М. Чеишкин — 1.—, Зайцев — 1,—, М Жарнаков — —,50, Д. Качнемко — —.5х50, В. Доброгош —1.

По подписному листу N 13, Фрэнквиль Пен.

От союза русских шахтеров — 14 дол.

По подпис. листу N 14, Филадельфии.

М. Подопригора — 2, — С. Весербов — 1, — А. Захаров — 1,—, С. Ларин — 1,— Свердник — 1,—, Н. Василюк — 1.—, Спинок — 1.—, Я. Кравчук — 1.—, Гершаганин — —,50, С. Мартеюк — —.25, М. Цурупа — —.25, Кваский — —,25, А. Вивко — —,25, П. Гарасмук — —, 50, Е. Я. — 2.—, Марченко — 1,—, В. Коробейник — —,50, А. Пелюсик — —,50. П. Белкурский — —,50, И. Т. — —,25, Сууткевич —,50, П. Миед — —,25, А. Езтик — —,25, В. Семенов — —.25 В. Стагев — —,25, Д. Головешко — —,25, Дмитрович — 1,—, П. М. — 1,—, Воберт — —,25, Васистый — 1—, Крежановский — —,25, Горнышок — 25, Абрамчук — —,25, Газберин — —,50, Неизвестный — 1,75, А. Василевский — —,50.

Всего поступило — 71,25 дол.

Пересылка денег — 1.40

Остаток — 69,85.

Собранные средства пересланы для заключенных и ссыльных анархистов в России, через «Дело Труда.

Приносим товарищескую благодарность всм по жертвователям. Надеемся, что и в дальнейшем товарищи не оставят, томящихся на большевистской каторге.

С товарищеским приветом

За «Общ, пом. пол. Закл. и ссыльн. в России» г. Детройта.

Секр. *А. ДОМОВ*.

ОТЧЕТ

Группы Русских Анархистов Заграницей от I-го мая до I-го августа с. г.

Приход.

От т. Леонова Л. А .К. — 2 дол.

От т. Н. Дмитриева — 25 фр.

Из С.-Франциско через т. Ровненко — (10 дол) 253 фр.

Из киоска за Д. Тр. — 34 фр.

От т. Шакулы — 3 дол

Из Софии — 40 фр.

Из Юнгстона через т. Гинева (15 дол.) 371 фр 75 сен.

Из Книж. склада Южн. Ам. Федер. — 1 дол.

От Южно-амер. Фед. Голос Труда — 10 дол.

От Рочестерской организации через т. Лазарева*) 150 фр.

---

*) *В N 23-24 стоимость N 23-24 ошибочно отмечена 1600 ф. потому дефицит по отчету этого номера увеличивается на 200 фр.*

От т. A. Danis из Cleveland (8 дол.) 200 фр.
От т. Медынича — 3 дол.
От Детройтской группы через т. Гоголя — (12 д.) 300 фр.
От Фед. Ан. Ком. Сев. Америки — (24 д. 50 с.) 612 фр.50 с.
» » » » (18д.) 450 фр.
От т. Постникова — 10 фр.
От т. Мартынова — 10 фр.
От т. Ильи за Д. Т. — 20 фр.
Итого прихода 19 д. 2465 фр. 50 с. или 2940 фр. 50 с. 5 зл.
Расход
Экспедиция N23-24 Д. Тр. — 264 фр.
Экспедиция N 25 Д. Тр. — 236,25 фр.
Стоимость N 25 Д. Тр. — 1600 фр.
Стоимость N 26-27 Д. Тр. — 1800 фр.
Листовка — 160 фр.
Разбор устаревшего материала — 266 фр 30с.
Корреспонденция — 57,95 фр.
Дефицит от N23-24 Д. Тр. — 2419, 35 фр.
Всего расхода — 6803 фр.85 с.
Приход — 2940 фр. 35 с. 5 зл.
Дефицит 3863 фр. 35 с.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

В пользу органа «Дело Труда».
Л. Лазарев — 1 дол. Р. Ныдбайло — 1 д. В. Иванов —1д.
В. Шастоцкий — 1 дол. Р. Доминов — 1 дол. Я. Т. — 0,50
Г. Позняков — 0.50 д.

ОТЧЕТ

средствах для заключенных в России анархистов с 1-го июня ао 1-ое августа 1927 г.

ПРИХОД

Остаток на 1-ое июня: 34 д. 85 с. 2042 фр. 90 с.
Получено из Юнгстона от группы а.-к через т. Гинева — 371 фр. 75 с.
Всего: 34 д. 85 с. 2414 фр. 65 с.

РАСХОД

Отослано в Россию заключенным анархистам — 30 л. 560 фр.
Остаток на 1-ое августа 1927 г. 4д 1854 фр. 75 с.

Группа Русских Анархистов Заграницей.

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris